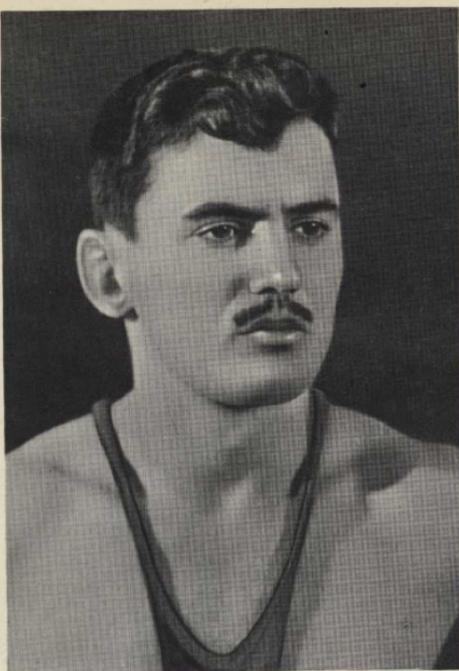

СМЕНА

12
1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Молодые патриоты

С мыслью о Родине

Когда Артём Терян вышел на ковёр, Гугу Хойзера уже ожидал его.

Чемпион Западной Германии стоял на краю ковра, заложив за спину сильные руки. Спокойная, непринуждённая поза Хойзера выражала готовность к борьбе, уверенность в победе.

Симисток суды вызвал оба борца на середину. На мгновение их руки соединились в традиционном пожатии. И вот уже соперники стоят в боевой позиции, зоркие и решительные.

Плечо Артёма касается плеча Хойзера, ноги осторожно переступают по мягкому ковру. Началась разведка боем.

Решающая встреча! Зрители, заполнившие просторный зал Итальянского олимпийского комитета, знают: победителем выходит в финал, а там борба за золотую медаль чемпиона мира.

...В родном городе Кировобаде Терян сам — способный бегуном, стальным боксёром, метким стрелком. Увлеченье борьбой пришло позже, когда Артём познакомился с азербайджанской «голеш».

Теряну полюбился этот увлекательный вид спорта, где сила вступала в поединок с ловкостью, храбростью — с выдержанкой.

Артём оказался настоящим атлетом: смелым, не побежим перед сильными противниками. Товарищия его любили, так как знали, что он никогда не скучит, не изменит слову, не бросит в трудную минуту.

Он «член» Артём перешёл к классической борьбе. Разносторонний спортсмен, он превосходил своих соперников в быстроте, в умении безошибочно выбирать момент для нападения. Хотя весил Артём всего лишь сорок восемь килограммов, он охотно боролся с более тяжёлыми атлетами, чтобы развить в себе силу и выносливость.

Случалось, Терян терпел поражение. Но и проигрывая, Артём оставался храбрым, волевым борцом. Настойчиво искал он потом встречи с теми, кто победил его раньше. И уж эти повторные схватки неизменно заканчивались его победой.

Молодой спортсмен одинаково хорошо боролся в стойке и в партре, был стремителен в атаке. Броски его следовали с молниеносной быстротой, из любого положения.

Двадцатилетним юношем студент Вакинского института физкультуры Терян завоевал почётное звание чемпиона страны

в легчайшем весе. Он выиграл у опытных мастеров. У них он и продолжал учиться.

«Учусь не только искусству атлета, но и труда любилю! — честно говорил старший товарищ Теряна. — Ведь ты наследуешь мастерство и славу советских спортсменов!»

И комсомолец Терян учился — настойчиво, вдумчиво, со всей силой своего юного темперамента, с чувством ответственности за себя, за коллег, за добрую славу родного спорта.

С этим чувством вышел он на краёй Хойзера.

Встретясь с другим соперником, он был не замедлил пойти на обострение борьбы, но Теряна он знал, это противник особенный. Хойзер видел советского чемпиона на ковре, успел изучить его тактику. С таким надо быть осторожным.

Резким движением разрывает немецкий атлет готовые вот-вот скомкнуться руки Теряна, отступает на краёй ковра. В случае опасного захвата можно будет «выйти из игры»!

И наконец немецкий чемпион решает атаковать соперника, захватывает его плечо. В то же мгновение неожиданный рыск склоняет Хойзера на партре. Руки Теряна обивают туловище противника; Хойзер прижимается к ковру: надо помешать советскому борцу провести бросок, это — единственное спасение. Но Терян уже встал на колени. Усилием рук, спиной, ног отшвыривает от противника ковру, опирается на «Утес». Хойзера Хойзера снова поднимается из-под ног Теряна. Но позже, Неоглядный бросок повторяет немецкий чемпион на алютаке.

Он направляется ко финальному кругу часа Артём проводят в компании участников состязания. Надо отдохнуть, набраться сна. На столике, рядом с кроваткой, зевом разложены утренние неапольские газеты. В них много снимков советских борцов: после двух дней соревнований они идут без поражений. Как сложатся финальные схватки? У Артёма серебряный противник — олимпийский чемпион венгр Имре Ходиш. Терян с ним встречался в прошлом году и выиграл по очкам.

Имре Ходиш не заставляет себя ждать, он появляется на ковре одновременно с Артёмом. Плотный, с ёжиком пепельных волос, он нетерпеливо переминается, ожидая свистка судьи.

Борьба завязывается мгновенно — борьба двух смелых, выносливых атлетов.

Терян, покажу, быстрее, его движения резче, он более собран.

Искусными перехватами сковывает Терян руки Ходиша; олимпийский чемпион отступает, стараясь вывести атакующего из равновесия. И тут наступает развязка. Стремительный бросок Теряна — и Ходиш поставлен на «мост». С большим трудом удается ему выбраться из опасного положения. Но победа под очкам явно на стороне советского спортсмена.

Под шумные аплодисменты зрителей выходит Терян на пьедестал почёта. Стойкий, смуглолицый юноша, он сейчас виден всему залу. Чемпион мира стоит разгорчанным победой, взорванный.

Мощно звучит, раскатываясь по залу, величественная молодня Гимна Страны Советов. На мачте, над головой Артёма, плещется красный флаг, флаг Родины, надевший Теряна силой и мужеством, неукротимым стремлением к победе.

И. БОРИСOV

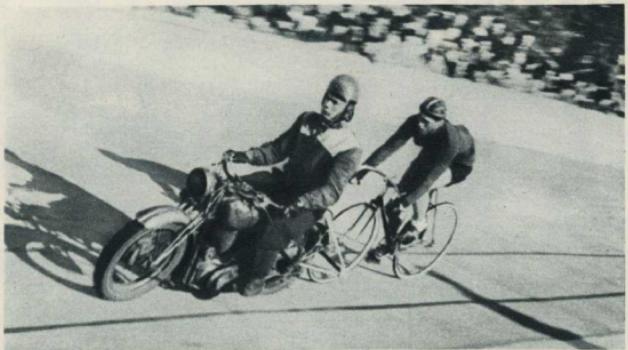

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июнь. № 12. 1953 год.

Год
издания
30-й

Василий Федин в гонке за лидером Б. Русаковым.

ГОРДОСТЬ ТУЛЯКОВ

Я. СУХОРУКОВ

Стойные берёзы и ветвистые липы окружают знаменитый тульский велосипедный трек. Уже пятьдесят пять лет на его бетонированной ленте испытывают волю и смелость велосипедисты страны. Туляки любят увлекательные состязания на треке. В дни массовых соревнований они оставляют свои дела и спешат на стадион.

В один из таких дней диктор велотрека объявил:

— На старте мастер спорта, участник олимпийских игр, четырёхкратный чемпион страны по велосипедному спорту...

Дальше ничего не было слышно. Тысячесложный шум, словно одушевлительный удар драмы, прокатился над стадионом и полетел далеко за его пределы. Всем было ясно, что выступает известный гонщик за лидером на мотоцикле Василий Федин.

Болельщики, долго унимавшиеся, во как только выпустили флагами, суварами, веерами, Лидер, мастер спорта Борис Русаков, постепенно набирал скорость. За них неосторожно идёт Федин. Он уже не раз демонстрировал гонку на мотоциклах, как спортсмены называют, за лидером, на больших скоростях. Вот и сейчас он мчится уже со скоростью пятьдесят километров в час, затем пятьдесят пять, шестьдесят! Кажется, что мотоцикли и велосипедисты вот-вот поднимутся в воздух...

Пятьдесят километров, или сто пятьдесят кругов, проfahrenо за 51 минуту и 30 секунд. Это новый всесоюзный рекорд гонки за лидером!

На трибунах не оставалось ни одного равнодушного. Все что-то кричали, хлопали в ладоши, махали платками, шляпами, к ногам чемпиона летели букеты цветов. И всё же на стадионе нашёлся человек, который был недоволен результатами гонки, её техническим исполнением. Это лучший друг Федина, его тренер Евгений Николаевич Попов. Он медленно подошёл к победителю, поздравил его, а потом, положив ему на плечи свою большую кепку, начал говорить о том, что ей нужно исправить.

С досадой выслушал Федин замечания Попова. Тут ещё не умолкли голоса приветствий и поздравлений, а тренер, этот высокий, всегда хмурый человек с семью висками, настойчиво требовал дальнейшего повышения спортивной культуры. И Федин понимал, что Евгений Николаевич, как всегда, прав. Ведь ему он обязан всеми своими успехами в спорте.

Федину было восемнадцать лет, когда он впервые сел на велосипед. Из деревни Плеханово, Дедиловского района, он часто ездил

и ч. Лисенков, работающий в этой должности и теперь, навтрез отказался говорить с ним.

— Мы принимаем в общество только шахматистов, — заявил он, — а ты ещё ингредиент.

Однажды было выслушать отказ. Только вчера зародившаяся мечта о велосипедном спорте, казавшаяся такой близкой, сегодня рушилась. Федин готов был бранить и себя и того, кто присадил его скоту. Постояв с минуту в кабинете председателя, он повернулся к выходу и в дверях столкнулся с Евгением Николаевичем.

Долго о чём-то говорил тренер с Лисенковым. Федин даже не слушал их, считая, что все равно ничего хорошего от них ему не скажут. Однако Лисенков, к его удивлению, согласился зачинить монитор в комитете велосипедистов.

Только смотри, — предупредил он Федина, — тренироваться придется много... Чтобы не хныкать... *

Газза юноши посыпали. Конечно, он готов тренироваться хоть каждый день, с утра до вечера. Но, к сожалению, сразу так тренироваться ему не пришло. Уже на третий день его рано утром пригласили к тому же Лисенкову.

— Говорят, у тебя сил много, — шутливо сказал председатель, — покажи их в борьбе за приз Центрального совета нашего общества.

Предположение застало Федина врасплох. Отказаться же от него он не мог: это постыдится бы трусом.

— Хорошо, — ответил Василий, — только расскажите, что делать.

Лисенков улыбнулся:

— Эх, видимо, эры мы тебе взяли! Не меньше же петь ты должен. Пойдёшь в кроссе на пятнадцать километров и в гонках по шоссе на двадцать пять. Понял?

Состязание состоялось в тот же день. Первую половину дня Федин «разминался» на своём новеньком велосипеде. Заметное волнение его бросалось в глаза каждому.

— Не бойся, Вася, — подбадривали его молодые рабочие одной из организаций треста «Тулуголь», где теперь работал Федин. — Ну, проиграйши, — сочувственно говорили они, — так не стыдно, ведь в гонках будут участвовать опытные мастера.

Такие «утешения» совсем не нравились Федину. Правда, приятно было сознавать, что он, Федин, будет тягаться с велосипедистами, имена которых уже не раз звучали по радио и печатались в газетах. Но даже в таком случае ему не хотелось быть последним.

Наступило время гонок по шоссе. На старте выстроилось более сорока велосипедистов.

Юные болельщики любят «дядю Васю» и часто провожают его до самого дома.

В глазах ребята разноцветные майки спортсменов — посланцев тридцатидцати обществ Тулы.

Сигнал! Федин, кажется, не сел, а влез на сиденье велосипеда и с места взял скорость. Он мчался посередине щоссе, обогнав то одного, то другого велосипедиста. Дважды пять километров!

Сколько раз он проходил такое расстояние от своей деревни до Тулы, да ещё по бульвару! Нет, здесь он чувствовал себя значительно лучше. Никаких кочек, выбоин, им — лети себе вовсю.

Вот впереди уже нет ни одного соперника, уже замелькали дома города, кто-то крикнул «Нажмай!», послышались свист, аплодисменты. Ничего не замечал Федин. Он следил лишь за тем, чтобы не попадал кто на пути, да прислушивался, не догонят ли его сзади. Но вот и финиш. Он первый растянулся ленту.

К вечеру того же дня Федин занял первое место в кратком и пятнадцати километров. В один день две победы! Это были его первые победы. Надо ли говорить, как высоко оценила общественность успехи молодого спорстмена.

С тех пор прошло более шести лет. Василий Федин за эти годы выступал десятки раз в различных соревнованиях, на различных дистанциях. Он состязался с заслуженными мастерами спорта Орловым и Логуновым, с чемпионом страны по гонкам на дистанции километров Николаем Матвеевым, с непобедимым до сих пор в парных гонках по треку Игорем Ипполитовым. И всегда Федин оставался достойным соперником и победителем.

Ныне Василий Федин обладает сорокой новыми спортивными наградами, он четырехкратный чемпион Советского Союза по гонкам на треке. Федина знают не только туляки, но и москвичи, которые не раз приветствовали его как победителя в соревнованиях велосипедистов по Садовому кольцу.

Так паренёк из деревни Плеханово стал известным человеком в стране. Только для Евгении Николаевны Попова Федин остался учеником, которого он и теперь обучает и передает из одного класса спортивной «школы» в другой.

В Туле все знают Евгению Николаевну как человека высокой спортивной культуры. Сорок лет он отдал воспитанию молодых велосипедистов и гордится тем, что именно Тула является родиной советского велосипедного спорта.

— Побывайте в воскресный день на щоссе дорогах около Тулы, — сказал нам Евгений Николаевич, — и вы увидите, как любят туляки быструю езду.

И вот мы на щоссе Тула — Орёл. Продолжая ветерок колышет зелёное море колхозных хлебов, раскинувшихся по обе стороны дороги. Голоса старых птиц, воркования, смешиваются с голосами велосипедистов. Тут можно встретить молодых и старых людей, мужчин и женщин. Сюда выезжают целыми семьями. Вот заслуженный мастер спорта Дмитрий Александрович Соловьев, рядом его брат Георгий, мастер спорта, а сзади сын Дмитрия Эдик и жена Георгия Нина; несколько дальше — братья Нины мастера спорта Анатолий и Николай Касаткины. Воин малыши, человек десять, стремятся обогнать друг друга, а с другой стороны ещё неуверенно едет девочка лет десяти. Привязана к рулю корзинку, наполненную полевыми цветами, она старается держать, когда это из взрослых, видимо, отца или брата.

На щоссе постоянное движение. Впечатление такое, что здесь собирались все велосипедисты, которые участвовали в первомайском параде физкультурников Тулы. Но вот мы на щоссе другой дороге Тула — Москва.

Здесь движение ещё больше. Кажется, именно сюда съехались, но уже не только участники парада, а все семь тысяч велосипедистов, занимающихся в спортивных обществах в физкультурных коллективах Тулы и Тульской области.

И только поздним вечером, когда в домах и на улицах загораются огни, в город со всех сторон возвращаются спортсмены. Туляки встречают их тёплыми взглядами, в которых можно прочесть законную гордость за своих велосипедистов.

Рисунок Н. Шеберстова.

Н. КОНОПЛИН

ОГНИ

Отрывок из повести

Молодой учёный, сотрудник селекционной станции, Евгений Петренко работает над диссертацией под руководством Василия Парамоновича Красникова.

Работа над этой диссертацией приводит Петренко и Красникова на открытое поле, которым руководят Фёдор Сергеевич Орлов и Дмитрий Николаевич Мичурин. На огородах селекционной станции в Туле, в которых это нужно для подтверждения его теорий. Орлов, начальник селекционного подразделения «Светлый путь» Марининского, бригадиром Зои Смирновой, проводит опыты на полях и в работе.

Уверенность в правильности выбранного жизненного пути побуждает Женю перенести и личную неудачу. Фёдор Сергеевич Орлов не отвечает на её чувство, он любит другую.

Однажды начинала чувствоватьться дым от огня всё сильней. Особенно это было заметно в лесах, которые начали жечься. Сначала по опушке, а затем багряным пламенем заполыхали весь лес. Только дубы стояли зелеными среди этого огненного разгула.

Вечерами Аль наползала на неумолимый широком. Это падала на землю листва. И казалось, что деревья перешпичиваются.

Мне было радостно и тревожно. Я всё спрашивала себя: откуда эта тревога? И вдруг всё стало ясно.

Смотря на окружающих меня людей, я хотела понять: могут ли я занять место рядом с ними? Торопливо вспоминала всё,

что делала, и многое мне казалось незначительным. На селекционной станции я болела всеми времена: прородила на опытных делянках Калмыка, Верхнюю, результатом этого я начала писать научную работу, но меня уже не тянуло к ней, я не любила её так, как прежде. Вероятно, потому, что всё время в последние дни залаивала себе вопрос: много ли в ней моего? И когда я подумала обо всём этом, то вспомнила своего руководителя Красникова, вспомнила, что уже давно не говорила с ним, как прежде, доверчиво и открыто.

Позади меня сухо посыпалась камешки. Я обернулась и увидела колхозного шо-

фёбра Слэбкина. Он стоял с непокрытой головой, и ветер шевелил его мягкие волосы, а чёрные глаза его, не отрываясь, смотрели на меня. Что-то мучило этого хорошего, открытого парня, и я это чувствовала. Мне захотелось хоть чем-нибудь помочь.

— Садитесь, Антоша! — сказала я. Он провёз рукой по волосам и сел. Потом вздохнул.

— Я хочу спросить у вас совета, Евгения Павловича, — сказала он решительно.

— А то, что жизнь моя ломается, Евгения Павлович, — сказала Слэбкин отчаянно, — и всё через любовь... Не понимает она меня, не хочет понимать...

— Да кто? — Да Зоя! А я без неё жизни свою совершиенно не представляю. Вы женщина чуткая, вы меня поймёте.

— Да что случилось, Антоша? Расскажите по порядку.

— Хорошо. Только предупреждаю: виноват в этом я... самоотверженно признался Слэбкин. — Словом, дело было так. Зоя сказала мне, что надо учиться дальше, восьмом классе, а то от жизни отстанешь. А я, дурак такой, обиделася, что она меня хочет, как мальчишку, за парту насилием, и брякнул, что это в итоге приведёт к тому, если она человек умственного труда, не хочет связывать свою жизнь с человеком физического труда. Со мной то есть. Ну, она покраснела, посмотрела на меня и ничего не сказала... И до сих пор не говорит...

Это вы, Антона, действительно..., брякнула, — сказала я. — Разве так можно?

— Да я же у неё два раза прощением просил! — воскликнула Антон и отвернулась. — Не прощает. Или, может, она и не любила меня? — произнёс он тихо, словно рассуждая сам с собой.

Смотря на него, грустного и растерянного, похожего в этот момент на обижённого подростка, я невольно почувствовала себя по сравнению с ним очень взрослой и стала говорить ему о том, что любовь большое чувство, что к нему надо подходить осторожно и что он залёд самолюбие девушки.

— Что я, значит, теперь ничего не сделаю? — спросила Слэбкин грустно. — Знают, уезжать мне отсюда?

Я сказала, что уезжать не надо, а следует сделать так, чтобы Зоя простила ему ошибку.

— А как сделать? — быстро спросила Слэбкин.

— Ви подумайте, как! Хорошенько подумайте, и правильное решение придёт само...

Слэбкин слушаю меня, и хмурое лицо его просветлело, словно на него упал луч солнца.

— Вот спасибо! — сказал он радостно, поднялся и побежал вниз по склону.

К вечеру опять пошёл дождь, и инна «Победы» с великим трудом добилась до дома председателя колхоза Мартынова. Дорогу там развеселил дождь, и машины ехали быстро рискованно. Мартынов предложил заочечивать его, я согласилась.

В комнате нас встретила жена Мартынова, дородная черноголовая женщина, и две маленькие девочки, тоже черноголовые. Дочерей потешала отца с дивана, подвалила его и, пища, стала барабататься на его широкой груди. И тут я увидела, какие ласковые бывают глаза у этого человека.

За ужином Мартынов показывал мне масло, как он выразился, «наших местных знаменитостей». Я увидела много знакомых, с которыми встречалася, былая с Орловым в бригаде колхоза «Светлый путь». И вот оказывалось, что все эти простые люди были чём-то знамениты. На

одна второй полеводческой бригады Зои Смирновой. Она смотрела спокойно, задумчиво.

А рядом с ее фотографией было оставлено свободное место. Я спросила, для кого, и Мартынов, хитро припринувши, сказала:

Для одного нашего общего знакомого... И я засмеялась, поняв, что речь идет о Слэбкине.

— Я в него верю. У этого человека большая духовная сила, — сказала Мартынова серьёзно, — надо только помочь ему. Механик из него отличный выйдет. Каждому человеку присматриваться надо, чтобы поддернуть во время, если понадобится, направление показать. Вот вам, к примеру, очень полезно будет поработать у нас на курсах. А профессор своего вы не очень слушаете. Грехущий и человек не симпатичен он мне. Засел на даликну и сидит. А какая нам от того польза? Разве настоящая наука от народа отгораживается? Нет, вы к нам в колхоз идите. Верно я говорю? — улыбнулась она.

И я склонила голову вправо.

Рано утром я пошла домой. После дождя воздух был сырь, туман прижался к стерне, белел в низинах, как снег. Небо было голубо-голубое. Тропинка наконец привела меня к дубраве. Ещё издали на меня нахмурила прелью, грибными духом. Но опушке стояли три берёзки, точно сбрынутые погодой. Рядом с тёмными строгими дубами они казались очень нарядными. Полоцца по ветру длинные космы золотой листвы, берёзки, казалось, стыдливо закрывались юю от посторонних взглядов. Гляди на них, хотелось думать о том, как прекрасна жизнь, когда она скреплена большой дружбой...

Тропинка спускалась в лог. Ещё вчера здесь протекал вполовине безводный ручей, но после дождя он стал довольно широким. Вода была коричневая, словно в ней вились кофе, и на поверхности, как кораблики, плыли листья. Я беспомощно отдалась воле, ища переправу, и вдруг заметила на том берегу Орлова. Он сидел с мольбертом и старательно рисовал, то и дело отbrasывая назад тёмные волосы, свисавшие на лоб. Я так обрадовалася ему, что несколько минут ничего не могла сказать и только молча смотрела на него. Потом окликнула:

— Фёдор Сергеевич!

Орлов оглянулся, и на его бронзовом лице пропустила румянец. Он инстинк-

тивным движением загородил картину. Я ульбнулась: знакомый жест, я тоже не любила, когда кто-нибудь пытался рассмотреть мои незаконченные работы.

Орлов уже стоял у озера, лицо его было серьёзным.

— Здравствуйте. Что это вы так задержались? — спросил он строго. — Мы так беспокоились с Василием Паромоновичем.

— Может быть, вы сначала помогите мне перебраться на ту сторону? — сказала я.

Орлов сидел с тем же серьёзным видом, разбрязгивая сапогами воду, пошёл ко мне. Помиря, с каким страхом я следила за ним и вёб, болища, что он поскохнётся и упадёт. Он поднял меня на руки и пошёл. Я очень близко увидела его глаза, большие и ясные. Людей с таким глазами обычно очень любят дети.

Потом мы стояли перед его картиной, и он смущённо говорил, что рисует просто так, для отдыха. И в то же время насторожено следил за выражением моего лица и весь просветлялся, когда я похвалила картины.

— Я её предложу Мартынову, в клуб... Может, поправите, — сказала Орлов.

И мне было очен радостно смотреть на его весёлое лицо.

Мне хорошо запомнилось то утро. И три чудесных берёзки, и синее небо, и глаза Орлова. Помиря, я шла и думала о том, что жизнь моя, собственно, только начинается, и мне было так легко, что я не чувствовала своего тела, и казалось, стоит раскрыть руки — и пойду.

Такой я была весь день. Мне казалось, что в группе у меня загорелася какой-то огонь и светила, который я чуяла сейчас у меня спины даже ах и руки. Я хотела, чтобы всем было так же хорошо, как мне. Я нашла на опытных делавицах, написавших картину Василия Паромоновича Красникова и стала ей помочь. Высокий, стройный в своем сером костюме, он был подвижен, как юноша. Заметив, что я работала с увлечением, он значительно посмотрел на меня и, поглаживая седеющие виски, сказал:

— Одобряю. Это, знаете ли, куда полезнее, чем разъезжать по колхозам с мелкой опекой...

Конечно, он был неправ. Но я была счастлива и не хотела вступать в спор.

Вечером, когда мы втроём сидели за чаем, у нас разгорелася скора. Началось

с того, что я согласилась вести занятия на курсах поливальщиков у Мартынова. Орлов отставил чашку и несколько секунд смотрел на меня, словно только сейчас узнал меня как следует. Потом сказал:

— Я рад за вас, Евгения Павловна. Вы получите там многое хорошего.

А Василий Парамонович нахмурился и сказал раздельно:

— Я против. Это, знаете ли, в конце концов может привести к тому, что наш землемерный институт рабочий Евгения Павловна Петренко совершенно забудет

о диссертации. Прочтите одну — две лекции — куда ни шло. Но зачем же курсы?

Я не понимаю, Фёдор Сергеевич, к чему

заряжать своим практицизмом других людей.

Орлов повернулся к нему и упрямо на-гнул голову. Его глаза потемели.

— Я вижу, что нам придётся продолжить спор, Василий Парамонович, — сказал он. — Помилуйте: он начался много лет назад, ещё в дни моего пребывания на селекционной станции. Я честно сказал на учёном совете вёб, что думал о вашем стиле работы. Прошли годы, они прове-рили взгляды. И вот перед нами научный работник. Он думает: каков же дорого-

идти ему в науке? И что же?

В науку можно идти любыми дорогами, ибо в науке совершились нетерпимые шаги, — спокойно сказала Василий Парамонович, смотря на Орлова из-под полуопущенных век. — Так почему же вы считаете, что неправ, когда утверждают:

опытное учреждение — это образец, на ко-торый должны равняться все колхозы?

Открытия — вот наша благородная цель. Кому зевал нас незабытный Иван Вла-димирович Мичурин.

— А разве это не благородная цель для учёного — работать над тем, чтобы сделать все колхозы такими же, как вот это опытное поле, где я имею честь работать?! — воскликнула Евгения. Следует говорить, как делают работы и практические работы на селекционных станциях, опытные поля — не кустикамеры, где изумрудные пульки демонстрируются столетние дубы, высокородные сорта пшеницы. Они должны быть действенны-ми. Именно к этому звал нас Мичурин.

Разве можно допустить, как допускаете это вы, чтобы на вашей селекционной станции были огромные урожаи, а за оградой, в соседних колхозах, собирали по четырнадцать центнеров пшеницы с гектара? Вам не стыдно как учёному? Нет? А мне стыдно. Вы только представьте, сколько в нашей стране опытных полей, селекционных станций, институтов. Если бы все мы считали своим долгом сделать всё, чтобы окружающие нас колхозы стали такими же по урожаю и культуре, как наше, учёные науки не была бы осуществлена, самая большая наша цель? А для этого нужно не так уж много: чтобы мы не только выводили новые сорта, но и боролись за то, чтобы продвинуть их на поля колхозов. Бороды!..

Орлов весь горел. А Василий Парамонович сидел бледный и, высокую откинув голову, поглядывал седеющие виски. У меня захватывало дух, словно я только что оббежала на высокую гору. И я не могла отвести глаз от Орлова.

— Меня увлекают в практицизме, — продолжала он. — У колхозников возникает множество вопросов, они просят нашей помощи. Она нужна им сейчас. Могу ли я, прикрываясь перспективными вопросами, отказатьсь от этого? Нет, не позволяют сочлены. Да и это первостепенно вопрос о сущности, нужной нам в том случае, если они связаны с нашими насыщенными делами, а не висят в воздухе... Мы учёные и поэтому должны смотреть далеко и широко... А вы замкнулись в своей мирок и тиците за собой других. В моей памяти ещё жив пример с моим предшественником Гормоловым. Он был способным молодым учёным, но он слено верил вам, щёл по вашим стопам. Во что превратилась он сейчас? Учёный звание у него есть, вы помогли ему в этом деле, но он не учёный.

Я читала его последнюю работу «Классификация сорняков». Там есть описание цветов, суррогатов и сведения о её запахе. Но там нет ничего о том, как бороться с сорняками, нет якорческой мысли. Государство звертнуло на него сотни тысяч рублей, а что он для государства?..

— Это нечестный приём — говорить за глаза о знакомом человеке, — сказал Кра-

сиков хрипло. — Я прошу прекратить этот разговор!

— Нет, я обязан говорить! В свой время я уже высказал своё мнение о работе Горлова непосредственно автору, — сказал Орлов. — Теперь я это говорю вам, его ученику, ибо во многом здесь виноваты вы. И я не хочу, чтобы Евгения Павловна повторила путь Горлова!

Он повернулся ко мне и спросил быстро:

— Евгения Павловна, скажите мне: неужели вы можете примириться с тем, что ваши миры были ограничены только областью учёных наук да гектара, микрополем, а не, как раньше, всеми, что после защиты положат в архив, и она там будет пылиться годы? Чёрт возьми! Зачем нужны такие диссертации? Ради высокого знания? Ради денег?

Я быстро взглянула на него и, внутренне удивляясь, подумывая: как он мог угадать мои мысли, которые не давали мне покоя все последние дни? Что ж, буду откровенна. И, чувствуя, как кровь отливает от моих щёк, я сказала тихо:

— Мне очень тяжело это говорить, но могу ответить только одним словом: нет! Не нужно таких диссертаций!

Я видела, как Василий Парамонович в руки встал со стула и протянул ко мне руки.

Жена, что вы говорите?!

— Нет! — продолжала я, чувствуя, как голое мой становилось реба звонко и взволновано. — Но я не могу сейчас говорить на эту тему... Всё произошло так резко, сразу, простите...

И не в силах сдержать себя, я вскочила со стула и оббежала во двор. Слоня сквозь сон, я слышала, как на крылечке громко заговорили Орлов и Красиков. Мне было не до них.

На другой день Орлов уехал, не сказав никому ни слова. К этому времени мы решали рекомендовать колхозам покрывать ягоды двухлетними дубков рожью с таким расчётом, чтобы у лунон оставалася узкий коридор. В этот день я отправила десятки телеграмм по оставленным мною адресам. Потом занялась лабораторными журналами. Я писала, перечитывала

записи, но всё мне чего-то не хватало. День показался длинным.

Под вечер ко мне пришёл Василий Парамонов. После знаменательного спора он пытался завлечь меня с мной и о «всемогущем» писателе Орлове. Но я не поддавал его, он обрадился и ушёл. А теперь он как ни в чём не было сидя рядом со мной и, сняв шапку и закинув голову назад, стал говорить о том, что ему хочется сохранить и продлить «отдельные моменты жизни». Потом вдруг занялся, поизнёс голос, что я от него никаку не уйду.

Он говорил, а я смотрела на него, как на совершенно незнакомого человека. Потом сказала:

— Я уже ушла... и теперь постараюсь сделать всё, чтобы другие поняли, кто вы есть на самом деле...

Он побелел, театрально поднял плечи и сказал глохну:

— Вы глубоко заблуждаетесь, Евгения Павловна... И вы ещё пожалеете о своём поступке...

Одернув пижак, он ушёл.

И на другой день я работала одна и на третий — тоже. Гений Федор Степанович не возвращался. И мне без него было так трудно, что я чувствовала себя большой. Терпеть то я твёрдо знала, что очень люблю его. Мне так хотелось, чтобы он вдруг вошёл, сказав что-нибудь... И в то же время я чувствовала, что я стала вдвое твёрже и сильнее прежнего.

Наконец Орлов приехал. Это случилось ранним утром. Я только-только пришла в лабораторию и столая у окна, с досадливым чувством оглядывая серебро. Оно было низкое и тяжёлое. Мне стало грустно. И вдруг всё изменилось. Издалека посыпалась ровное бормотание мотора, и вскоре к воротам подъехала так хорошо мне знакомая «Победа». Хлопнула дверца, и я увидела Орлова. Не двиняясь, слушала я, как он поднялся на крыльце, как прошёл по коридору и громко засмеялся, и я, покоробившись, вспомнила, как вспоминала Казань, где образовалась и вспоминала проявляется своего хозяина.

Орлов давно уже проклял себе, а я всё стояла и ждала. Потом провела ладони по лбу и отгадалась. Мне показалось, что венчи смотрят на меня чуть насмешливо: не пришёл! Но мне было очень радостно, и я не обратила на них никакого внимания. Я сама пошёл к нему и сказала, что я его люблю. А там будь, что будет!

В комнату тихо вошла Зоя Свирикова. Она была в чёрном строгом костюме, волосы её падали на плечи волнами. Всего кого я долго не видела! Она была всё та же спокойная и серьезная и покрежеменно внимательно смотрела в глаза, когда слушала или говорила.

— Здравствуйте, Евгения Павловна, — улыбнулась она. — Не соскучились?

— Очень соскучилась, Зоёчка! Рассказы-

вой, где была, что делала, какие новости... Да сядис же.

Она села на подоконник и сказала:

— Первая новость — это то, что мы с Альбино познакомились. Хорошая новость?

— Очень хорошая.

— А вторая новость — это то, что стронтели в порядке шефства обещали помочь нам овладеть новыми машинами.

— И это хорошо, — отвела я. — А скажи-ка, Зоя, где это ты так долго пропадала?

— У Натальи Яковлевны Она, начальником второго участка на каналах. Затыкала нас к себе и не отпускала. «Соскучилась», говорит.

— А кто это такая Наталья Яковлевна? — спросила я, и голос мой задрожал.

— Да разве ж вы не знаете? Невеста Фёдора Сергеевича, — сказала Зоя весело и вдруг вскрикнула: — Евгения Павловна, что с вами?

Разве я знала, что со мной? Мне стало холодно, руки мои задрожали, и я медленно сползла на стул. А над мной стояла Зоя и спрашивала шёпотом:

— Женя, ты что болеешь?

Я смыслала, как где-то далек-далеко, открылась дверь и чей-то очень знакомый голос спросил:

— Зоя, ты что там даёшь?

И строгий зонн голос:

— Закрой дверь, Антон.

...Я долго лежала на постели, пока не впала в какой-то полусон, полузабытьё. Когда проснулась, было тихо. Торопливо оделась, вышла на улицу и пошла всё дальше и дальше в степь. Надвигались сумерки. На горизонте громоздились тучи, ярусами, густые, похожие на ткани ваты, сваленные друг на друга. Снизу они багровы таёмы, подожжённые колодной зарей.

Я шла и думала о том, что случилось. Как можно произошло, что я полюбила Орлова? Я ведь знала, хорошо знала, что у него есть любимая девушка, но она была далеко, а постоянное общение с Фёдором Сергеевичем обмыло меня с ним. И я не могла противиться своему чувству, да и разве я полюбила недостойного человека? Он достоин большого и светлого чувства! Но я не имею права враться в его жизнь...

И я вдруг с необыкновенной ясностью вспомнила те три чудесные берёзы на опушке дубравы, весёлое утро. Тогда Фёдор Сергеевич перенёс меня на руках чрез ручей, и как я была счастлива!

Я поднялась на холм, села на траву и заплакала. Орлов никогда, никогда не узнаёт о моей любви! Мне было больно, и я не могла ничего с собой сделать. Я только всё крепче и крепче закрывала лицо ладонями.

Потом я немножко успокоилась. Яркий, радостный свет бросился мне в глаза. Всё даль передо мною светилась золотыми огни-

ми. Они шли далеко в степь, всё уменьшались и уменьшались, бесконечные, как Млечный путь. До меня доносились ровные, правильные вздохи. Казалось, что это первое солнце вздыхает. Я смотрела на освещённую трассу каналов и думала, что теперь вся дальняя моя жизнь будет засияна этими огнями. То, что случилось со мной здесь, было моим вторым рождением. Вполне возможно, что это произошло бы в другом месте, но здесь всё привнеслось острее и поэтому привело раньше. И как это хорошо!

Я пришла домой уже совсем поздно. На ступе я увидела записку. В ней Мартынова сообщал, что на той неделе должно состояться мой первый занятие с колхозниками. Я прочитала записку, прижала её к груди и почувствовала себя, так словно тёплые дружеские руки взвесили меня на плечах и подтолкнули вперёд. Как хорошо, когда живут рядом с тобой живут золотые души!

На другой день Красиков уехал к себе на селекционную станцию. Последнее время он всё писал в своей комнате.

Было уже темно, когда Слэйт подъехал к конторе. Василий Парамонович быстро уложил свои вещи. Машина умчалась в темноту, и только красный фонарик долго мелькал вдали, как звездочка. Мы стоим на крыльце — я, Зоя, Зорин с Женей и Орлов — и смотрели, как красная точка то исчезала, то снова появлялась в ночи. На душе у меня было спокойно. Я украинской погладила щёку у Орлова и думала о том, что всё равно та радость, которую я мне дала, навсегда останется со мной. И даже если я никогда больше его не увижу, всё равно я у него буду жить.

Выскочил под нами послышалась тихая вороньи. Мы подняли головы. Где-то там, в дальнем окне, летела журчала. Их гонянные крики были тихи и деволиты. Они торопились закончить свой вековальный марафон.

— Ну что ж, пора и я отдых, — сказала Орлов — тем более, что завтра дед предстоит порядочно.

— Нет, Фёдор Сергеевич, надо бы завтра подумать над тематикой на будущий год, — напомнила ему Зорин.

— Что ж... Посидим завтра. Объявим, Леонид Александрович, коллективу, что нужно собираться, поговорить.

Жизнь шла своим путём. И мне вдруг вспомнилась фраза из давно прочитанной книги. В ней говорилось примерно очень похожее на то, что я сейчас думала. Молодость продолжается. Задорно приходит радость, эта разгульная весна...

Да это было так! И вот именно поэтому я твёрдо знала, что скоро уеду отсюда. Уеду, потому, что поняла: я очень нужна там, на селекционной станции, где ещё дежурствовал Красиков. Но я не одна, нас много, и поэтому исход борьбы предрешён.

Игорь КОБЗЕВ

Садовоу

Незаметно поредели зубы.
Борода его, как дым, бела,
Лоб в морщинках, как кора у дуба,
И в словах — давнишние дела:

— С этих дубов было мне мороки,
Беспрокомисса, ничтой не спал.
Пить давал, чтоб наливался соком.
Скипидаром ветки обтирал.

Твёрдый грунт тут мокр от перекопан.
Словом, много было хлопот.
Редкий дуб! Один на всю Европу!
Удержался! Видите? Растёт...

Дуб склонил раскидистые ветви
Над седой, усталой головой.
Помочила. Прислушалась к беседе.
И согласно покачала листвой...

Я люблю ходить сюда по тропам,
По камням взбираться на уступ,
Где растёт, единственный в Европе
Знаменитый траполистный дуб.
Он стоит, особенный и странный,
Выделяясь гордой высотой,
С желудями саше, чече, каштаны,
С тонкую, узором листвой...
Почему он только здесь привился?
Только здесь привёз он урожай?
Дуб молчит. Его немые листья
Не умеют чувства выражать...

Сильно парит.
Дождь сберегся на почве.
Мы сидим в тени густых ветвей.
Садовоу Савелий Альбертыч
Говорит о юности своей.

Вдруг в горах потес последний лучик,
Будто там захлопнулось окно.
Море в волнах отразил тучи,
Сразу побелев, как полотно.
Кипарисы сырости запахали.
Стихло стрекотание в траве.
Мятные лекарственные капли
Мягко застучали по листве.
По цветам, по луговине кляйкой,
Мягким камней сверкал ручейком,
Тёплый дождь с большой садовой лейкой

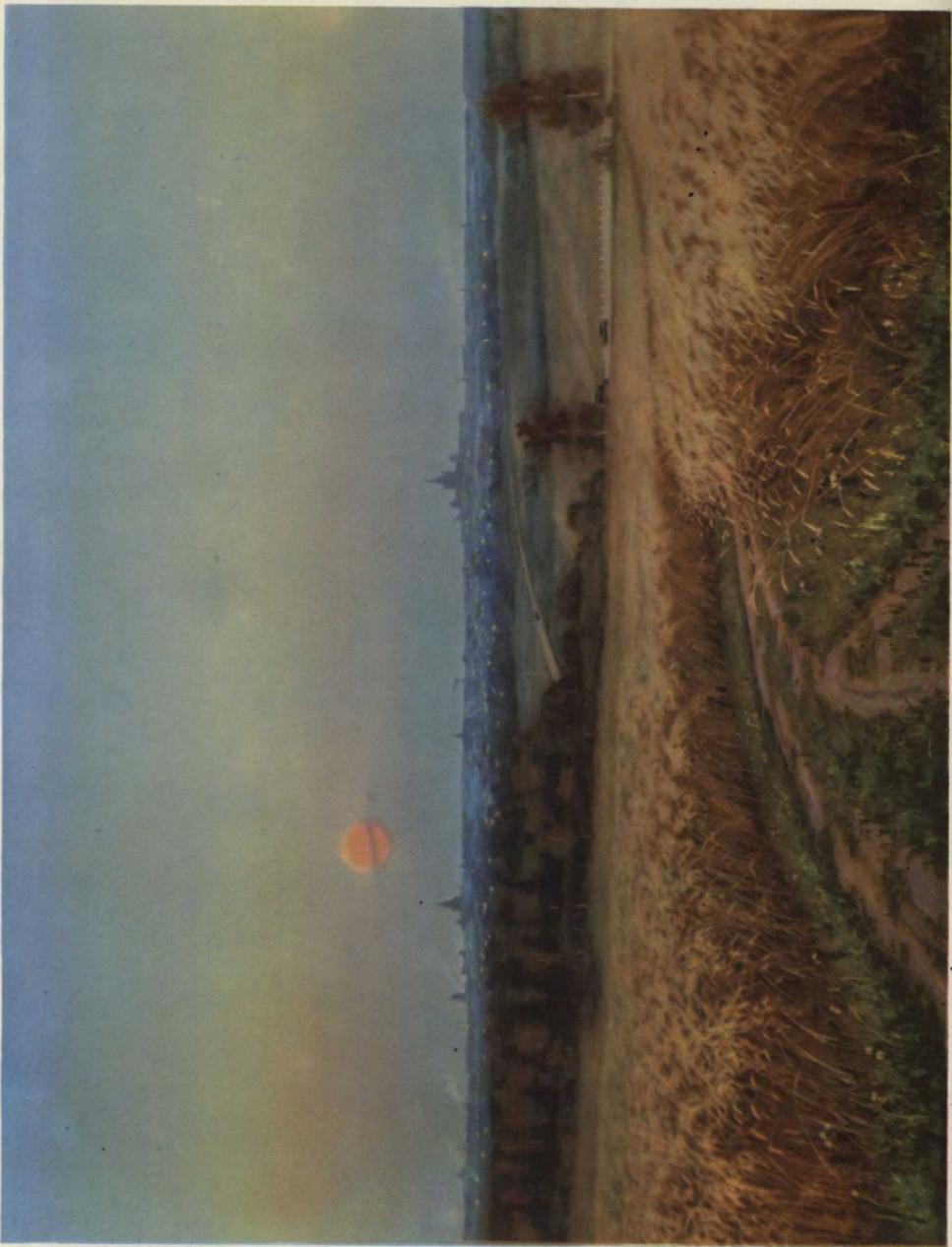
Медленно зашлапал босиком.
Он хлестал по лаврам и по клёнам,
Мы же не спешили уходить:
Старый дуб
Плаком своим зелёным
Бережко старался нас укрыть...

В майтеновском цехе.

В. Ховев

Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

Пример героя

Тёплый ветерок врывается в раскрытие окна Ивановского детского дома. Он треплет пионерские галстуки, путает волосы ребят. Пионерская комната наполнена смолистым запахом, доносящимся из соснового леса, где проходит соревнование по скандинавской ходьбе.

Но ничто не отвлекает пионеров, усевшихся тесным кружом за большие столы. В комнатах напряжённая тишина. Ребята поглощены беседой о бытии: воспитанники детдома, гвардии, рядовые Герои Советского Союза. Александр Матросов, Родина Гусакова, Борислав Синицын, рассказывают пионерам о коротком но светлом жизненном пути Саши Матросова.

Он родился в 1924 году в городе Днепропетровске, в семье рабочего. Рано оставшись без родителей, воспитывался в детских домах. «С 1936 по 1939 год Саша жил в нашем Ивановском детском доме», — говорит пионервожатая.

Приятный слушателям возникает картина бессмертного подвига юноши...

«Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1943 года гвардии рядовому Александру Матросову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза».

Пионеры вспоминают о том, как жил и умерла Саша Матросов, поделиться впечатлениями о герое, о котором слышали.

«Как сейчас, помню этого белокурого подлинного паренька», — сказала Раиса Алексеевна. — Саша отлично учился, был активным общественным деятелем, увлекался физкультурой. Эйфория, в связанные от занятий, не было. У него было много друзей. Саша учился в школе № 10, учился в четвёртом классе. Парта его стола во втором ряду от окна... Классная комната тогда была там, где сейчас у нас уголок Александра Матросова».

Этот уголок с любовью создан детдомовцами. Здесь есть большой портрет героя, увеличенные кадры из кинофильма, фотографии, комсомольской брошюры на которой надпись: «Лег на смертьную точку и загнула её». Выставка «Матросов» в Ильинском районе «Рядовой Александр Матросов», фотографии, рисунки бережно хранятся личным делом Александра Матросова. В нём табличка успеваемости, характеристика.

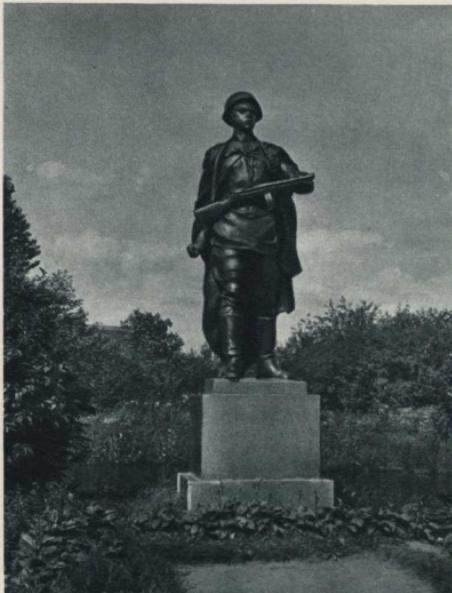
В комнате, где устроен уголок Матросова, с воспоминаниями о Саше часто выступают сотрудники детского дома. Воспитатели учат детей быть такими, какими были Александр Матросов.

Ивановский самарский детский дом — это городок в Ульяновской области. Большинство его воспитанников хорошо учится. Детский дом воспитывает много способных детей. Среди них Владимир Мартозеев — начальник отдела изучения языков Ульяновского института Юрий Максимов — сотрудник Грандзора воздушного флота. Зинаида Гусакова — студентка Института иностранных языков.

Министерство труда писем получает детский дом из своих бывших воспитанников. Они живут в разных городах и районах, где получили воспитание. Одни из них члены комсомола, там, где получили воспитание, племянник патрона Родины Герой Советского Союза Александр Матросов.

Юрий МАШТАКОВ

Ульяновская область.

Памятник Александру Матросову в Ленинграде.

Михаил МУСИЕНКО

НАЧАЛО ПУТИ

Василий Суслов торопился. Ему нужно было сегодня после работы попасть в заводскую библиотеку, чтобы подобрать материал для беседы о моральном облике молодого советского человека. Надо было также написать передовую статью для цеховой стенной газеты и закончить составление плана комсомольской работы на март.

Руки, испачканные в масле, как назло, не отмыкались. Он усердно их мыла, то и дело посматривая в часы.

Когда Суслов был уже на выходе, его окликнули. Запыхавшись, побежала комсомолка Александра Болот, пылающий белокурый парень в синей спортивке.

— Ну что? — спросил Василий. — Говори быстрее, и спешу.

— У меня в станке патрон быт, неизья работать, — сдерживая дыхание, сказал Бедов.

— Скажи мастеру, — ответила Суслов и хотела идти.

— Мастер занят у другого станка. Зайди минутку, посмотри.

Через минуту Василий, вооружившись инструментами, хлопотал у станка.

...В ноябрь прошлого года комсомольцы механического цеха единогласно избрали Суслова своим комсоргом. Комсомольское собрание не стало слушать его биографии.

— Мы его знаем! — раздались в зале го-

лоса, когда председатель собрания предложил «послушать товарища Суслова».

В жизни Василия не было ничего такого, что отличало бы его от остальных ребят. Родился он в селе Александровке, Воронежской области, в двадцать девятом году. Жаркие июньские дни 1946 года Василий вместе с тремя товарищами одновременно приехал в подмосковный город Подольск, в ремесленную училище.

В первые же дни учебы в училище поклонялись токарному мастеру — учащему.

Василий — по натуре горячий, нетерпеливый человек. Ему очень хотелось поскорее начать работать, но преподавателям долго рассказывали об устройстве токарного станка, о режиме резания металла, а к практической работе не допускали. Наконец настал день, когда мастер поручил Василию самостоятельно обработать первую деталь — шайбу. Василий, как настоящий, опытный рабочий, подошёл к станку и приступил к делу. Но тут же случился конфуз: он «запорол» деталь.

Мастер повертел её в руках и, глядя на Василия, сказал:

— Помнишь, ты как-то спрашивал у меня, что такое заусенцы? Вот они заусенцы! — и указал пальцем на мелкие задирания на шайбе. — Видишь? Объясни, отчего они бывают.

Василий молчал, потупя голову.

— Заусенцы бывают, когда работаете

тульным резцом, — ответил он после паузы и робко взглянул на мастера.

— Резец у тебя острый. Грех в том, что не умеешь работать. — Мастер улыбнулся и добавил: — Учись — и всё будет хорошо.

И Василий Суслов начал обучаться томуному делу. Наука давалась не так-то легко, как первое время он думал. Были неудачи, разочарования, но мастер, человек внимательный, настойчивый и требовательный, терпеливо занимался с ним. Первые успехи приодели Василия, укрепили в нём уверенность, что из него получится токарь. А скучий на первый взгляд мастер к концу занятий подходит к Суслову, держа в руках склоненные инструменты, замеряя их, рассматривая сквозь лупу и как бы про себя говорил: «Неплохо».

Ремесленное училище Василий Суслов окончил по пятому разряду. Через месяц он переступил порог завода. Огромный, светлый цех встретил его шумом множества станков. Токарная мастерская училища выглядела совсем крошечной по сравнению с заводским цехом.

На первых порах Василий поручали делать простые детали. Несмотря на то, что в училище он выполнял работу и посложнее, здесь, получая каждое задание, волновалась. Во время работы чаще, чем нужно, останавливалась станок и замеряла деталь. Скоро ему стали поручать детали, которые

Токарь-скоростник Василий Суслов

нужно было обточить одному от начала до конца. Такая продукция на производственном языке называется несерийной, а токарь, который делает несерийные детали, — токарем-универсалом.

Партии несерийных деталей были маленькие, и, как правило, повторные заказы на них не приходили.

Однажды Василию дали задание сделать за смену партию несерийных втулок. По технологии предписывалось, что деталь проходит по очереди все три операции и только потом снимается со станка. Обрабатывая одну деталь, токарь должен был трижды извлекать станок, на что уходило много времени.

Василий Суслов решил, что будет работать так: сначала отрежет всю партию втулок, затем их просверлит и обточит.

«Через два часа у станка Василия Суслова стояли готовые втулки.

Не успел он подумать, каким образом объяснить мастеру, что сменное задание выполнено за два часа, как у его стапка появился технический контролёр.

— Так, — многозначительно сказала контролёр, перекинув за спину пишущую ручку, — Режим нарушаем, технологию нарушаешь! — Глаза контролёра скользнули по белой блаже ремня с потемневшими буквами «РУ». — Чему вас за ремесленником учили?

— Я старался, чтобы быстрее, — попытался оправдаться Суслов.

Девушка позвала мастера и решительно подложила под листы блокнота две копии.

— Сейчас акт подпишется, — с уничтожающим спокойствием сказала она поспешившему мастеру и написала: «Акт №... №...»

Пока контролёр, сосредоточенно хмурясь и шевеля пухлыми губами, составляла акт, вспоминая упомянутую технологию, к месту промышленности собралось чуть ли не всё цеховое начальство.

Начальник цеха измерил ещё теплые втулки и, хлопнув Суслова по плечу, сказала:

— Молодец! Поздравляю!

Суслов не знал, что и ответить. Одни поздравляют, другие акт составляют...

...А через два года Василий Суслов вместе с группой лучших токарей завода в горкоме комсомола вручил первую почётную грамоту.

«Московский обком ВЛКСМ», — гласная грамота, — награждая настоящей грамотой товарища Суслова В. И., токаря Подольского завода имени М. И. Калинина, за высокие производственные показатели, достигнутые в социалистическом соревновании 1956 г.».

Василий Суслов вручил грамоту в коричневую рамку, вложив её в обежжитый на стене, у своей кровати.

Вскоре рядом появилась вторая грамота, а потом Василий Суслову приказом министра было присвоено почетное звание «Лучший токарь-скоростник Московской области». Сейчас Василий Суслов работает мастером участка. Он отдаёт много сил и энергии на то, чтобы воспитать побольше токарей-стахановцев, отличных мастеров своего дела.

...Осенью Василий Суслов поступает в восьмой класс школы рабочей молодёжи.

— Кончу десятый класс, поступаю учиться в заочный машиностроительный институт, — рассказал он о своих планах на комсомольском собрании.

— Желаешь тебе, чтобы ты и в школе каждый год получал похвальные грамоты за отличную учёбу, а десятый класс окончил с золотой медалью, — сказал комсомольцев пожелала ему Валя Хоконина. — А мы постараемся не отставать от своего комсоморга.

Фото Г. Борисова.

Василий Суслов знакомит учащихся ремесленного училища № 12 с методами своей работы.

Модильо-Модильо

Фельетон-роман

Студентка Нина Ильина
Была к обмону холода.

Когда однажды в вестбиоле,
Боясь в глаза ей заглянуть,
Друзья ей робко намекнули,
Верней, пытались намекнуть...
Она же попросила прямо
Не говорить о пустяках.
И стало ясно — это драма!
Нет, это больше —

это крах!

Тогда попрежнему, до гроба
Её любя, грустя, скорбя,
Степанов

весь ушёл в учёбу,
А Мухин
весь ушёл... в себя.

Степанов принял крах трагично,
И, чтоб отвлечься от тревог,
Он сдал английский на «отлично»
И на историю наёт.

А Мухин, провозыхав до лета,
Не сдал ни одного предмета.
Ему мешал предмет мечты.
Срок ликвидировать хвосты.
Степанов в университете
Зарылся в книги с головой,
А Мухин всё забыл на свете
И помнил лишь о ней одной!
Степанов за столом в читальне
Один сидит по вечерам,
А Мухин, с каждым днём печальней,
За Ниной ходит по плятам.
Клянчается ей в любви навеки
В троллейбусах, в библиотеке,
Во время завтрака,

в обед,
Когда она сидит в столовке,
Во время самоподготовки,
Во время лекций и бесед...

Он посыпает ей записки,
Он посыпывает ей стишки:
«Как мы когда-то были близки,

И как теперь мы далеки...»
Часами светлый образ Нини
Он видит, глядя в потолок...
Степанов сдал все дисциплины
И записался в драмкружок.
Легая в сердце образ нежный,
И он покоя не обрёл:
В соревнование конькобежном
Он первым к финишу пришёл...

А Нина?

Что о Нине слышно?
Шли дни... И вдруг разбрёз слух
О том, что будто замуж вышла
Она за одного из двух.

Но можем мы сказать наверно,
Кто ею избран из друзей.
Мы знаем только, что безмерно
Избранник этот счастьем с ней.

Клянчается ей в любви навеки
Волнуясь, ловит каждый взгляд
И вместе с ней в библиотеке
Научный пишет реферат.

Счастливый, радостный, влюблённый,
Гордится он женой своей,
Рекорды бьёт на стадионе
И пишет в самом нежном тоне
Стихи лирические ей.

А тот, другой...

Другой уныло,
В мечтах не расставаясь с милой,
Её любя, грустя, скорбя...
Так и не вышел из себя.

Как много странных есть романов!..
Два друга, Мухин и Степанов,
Влюбились в девушку одну,
В студентку Нину Ильину.

Они в неё влюбились оба,
Влюбились памятно, до гроба,

Почти в один и тот же час,
В период сессии как раз.

И спать ложились и аставали
Они с мечтой о ней одной...

Нет, нет, они не ревновали
Друг друга к Нине Ильиной!
Теряться муками Остело
И было как-то не дано,
Они втроем с любимой смеяло
Ходили в стереокино,
Втроём всегда в конце недели
В театр ходили,

а потому
В кафе мороженое ели
За круглым столиком в трёхм.
На лекциях, на семинаре
Они всё время были с ней,
Втрёх ходили в планетарий,
В Политехнический музей...

И, проводив её до дому,
Один «доказывал» другому,
Как симпатична и умна
Студентка Нина Ильина.

Всё, было хорошо,
но вскоре
Пришли сомненья,
муки,
горе,
Клубок трагических проблем...
Возник конфликт,
известный всем.

Любовь, как каждый мог заметить,
Хоть продолжала пламенеть,
Но, охватив собой две трети,
Не охватила третью трети.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОРАХ

Фото В. Рудковича.

1. Знойная южная равнина сменяется предгорьями. На горизонте видны синеватые горы: погода мы передаемся на машину, и она, медленно набирая высоту, катится по берегу бурной горной реки.

Река принесла с собой холод ледниковых: воздух чист и прохладен. Вокруг, как будто совсем рядом, появляются снежные вершины.

2. В окружении гор и пышной растительности на знаменитой склоне красотой Домбайской поляне раскинулась туристская база ВЦСПС.

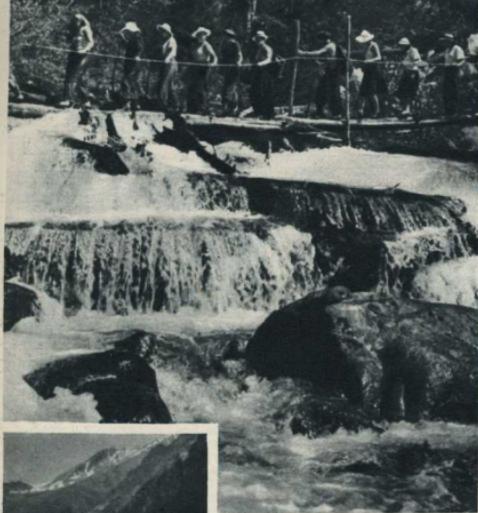
Задолго до поездки мы много раз обсуждали и гродумывали маршрут, нанесли его на карту. Теперь на ней появились дополнительные отметки.

4. Горная тропа, перегороженная каменными заналами и мощными обломочными стволами деревьев, петляет вдоль реки. Она то исчезает в тени леса, то пересекает солнечные, все в цветах поляны.

Солнце уже в зените. Пора сделать привал. Синий чай костра кипит с синей погудиной дымкой в которой тонут дальние горы. Приятно вымыться в холодающей воде, плотно поесть, отдохнуть.

6. Снова в пути. Дорога уходит с одного берега на другой, по узким мостикам с верёвочными перилами подводят к водопадам. Ирины, привыкшие к спокойству, чувствуют, как подрагивают браны от грохота стремительно падающей воды, тебя обделят водяной пылью и брызгами.

7. Ещё несколько часов. Уже в верхней горной лесе, за которой начинаются зоны альпийских лугов, и перед нами на высоте двух тысяч метров открываются Бадунские озёра.

8. Остались позади красоты высокогорья, холодный, неуютный перевал, заросшая южной растительностью и изрезанная ручьями и реками Сванетия. Мы на берегу Чёрного моря, в субтропическом Сухуми. И кажется странным, что под ногами не узкая горная тропа, а прекрасный Приморский бульвар.

9. Здесь море, фрукты и снова солнце. Можно без конца купаться в солёной зеленоватой воде, играть в волейбол и опять купаться.

10. Потом садишься в чистые, светлые вагоны поезда и возвращаешься домой, на учёбу или работу, а море, солнце и горы надолго остаются в памяти, заставляют строить новые планы ещё более интересных поездок по новым, ненизведанным местам.

Пауль ТИРСТ

КАМЕРА № 4

Рассказ

Хайнер Бранд сидел на каменном полу камеры № 4 эсессенской полицейской тюрьмы и ощущивал языком щель на месте выбитого зуба.

Хорст Снигов стоял у окна. Минуту назад он расхаживал взад и вперёд по камере, бросая угрюмые взгляды то на грязный пол, то на сырье, заплесневевшие стены. Теперь же, прижимаясь лбом к ржавым шершавым прутьям решётки, он смотрел вниз на улицу, будто ожидал увидеть там что-то необычное.

С Хорстом Сниговым полицейские обожали по-иному. Сына известного юриста не били. С ним разговаривали вежливо,

Этих моментов — сына адвоката и сына прачки — связывала своеобразная дружба.

Они встречались два года назад. В то время, вспоминали Хорст, командированные отца становились всё более и более частыми и длительными, а мать, полная белокурая молодящаяся женщина, открыла в себе «Голубой салон», который посещали всем высшим светом Эссена.

Хорсте забывали. Но это его не очень задевало. В свои шестнадцать лет он чувствовал себя совершенно самостоятельным. Школа отнимала у него немного времени, да к тому же отец его был в прекрасных отношениях с директором, и к Хорсту не придавались, даже если он пропускал занятия. Тогда-то он и встретился с Хайнером. У Хайнера тоже было много свободного времени, но другие причины. Пути к учению были для него закрыты. Работы он не мог найти. Иногда Хайнер помогал своей матери, которая стирала в «лучших домах». С Хорстом он познакомился, когда его мать стирала белый у Сниговых. Они разговорились и сразу

понравились друг другу. Возможно, потому, что были такие разные Хайнер — упорный, настойчивый, немого медальонный в своих решениях, Хорст — не по возрасту развитой, насыщенный, чутко-лекомиссальный чистоте.

С этого дня они постоянно были вместе. Порой казалось, что Хорст нуждается в этом для того, чтобы найти опору в своем нравственной чистоте.

Заскрипела засов.

— Хорст Снигов, к комиссару. На допрос.

Хорст медленно повернулся и посмотрел на своего товарища. Оба подумали об одном и том же. Оба боялись, что уже никогда больше не смогут смотреть друг другу в глаза, потому что один Хорст Снигов, сын известного адвоката, совершил самое низкое дело — предательство, а другой, Хайнер Бранд, сын прачки, не сможет ему в этом деле помешать.

Когда Хорст, следуя за полицейским, шёл к двери, Хайнер открыл рот, пытаясь что-то сказать. Но он не издал ни одного звука.

В полицейском бюро сидел человек в штатском.

— Здравствуйте, господин Снигов, нам нужно вас допросить о вашем... Всем...

— Сын лавочника Сигизмунда Снигова из Креийхгассе. Именно.

Человек, сидевший в кресле, засмеялся.

— Я весьма удивлён. Каким же образом вы попали в FBI?

— Это интересует вас?

Чрезвычайно.

Хорст задумался. Потом усмехнулся:

— Хорошо, я расскажу вам. Но я буду говорить только о себе. Я буду говорить и о Хайнере Бранде, которого избили ваши полицейские.

Хорст снова увидел себя сидящим вместе с Хайнером на скамье в городском парке. Они курили напаросы, которые Хорст ставил из письменного стола своего отца. Несколько раз Хайнер пытался начать какой-то разговор, но что-то ему мешало. Тогда он начал чертить носком башмака на песке буквы: «F—D—I».

— Как ты — пойдёшь, Хорст? — вдруг спросил он.

— И тогда вы пошли? — вкрадчиво осведомился комиссар.

Хорст кивнул.

— Кто ешё был при этом?

Хорст смёрил своего собеседника взглядом.

— Всё те, кто сегодня вышел на демонстрацию и кого вам не удалось погнать.

— Не дерзь! — прошипел комиссар, но сразу сплюхнулся:

— Послушайте, Снигов, — примирительно сказал он, — Не поймите, что связывает вас с ними. Вы ведь образованный человек. Если не ошибаюсь, накануне получения аттестата зреологии.

Эта фраза смуткала Хорста, даже поколебала его уверенность. Медком вспомнил о ёшт об одном случае. Однажды после собрания они возвращались домой. У дверей квартиры Хорста Хайнер остановился и сказал: «Как странно! Отец с матерью

1 Союз свободной немецкой молодёжи.

познакомились друг с другом на собрании в клубе социалистической молодёжи, где пели эту песню, которую мы слышали сегодня. Теперь отца не было в живых, он погиб на фронте, но мать иногда напевала её.

Хорст чувствовал, что Хайнер, следя течению собственных мыслей, как бы разговаривал сам с собой. Но он не обиделся на него. В нём самом происходила какой-то необычный процесс и, расставаясь с Хайнером, он сказал: «Знаешь, нравится мне тут у вас, ваши товарищи, и...» Других слов он не находил.

Так же и теперь он не находил этого «и», хотя сегодня утром он был очень близок к этому. Ответ на многие вопросы казалась ему очень близким, когда он видел перед собой улицы Эссена, запруженные шумом, весёлым, празднично настроенным людьми, стекавшимися со всех концов Западной Германии, залитыми солнцем знамёнами которых было написано: «Мы за мир!»

Комиссар подошёл к Хорсту и положил ему на плечо тяжёлую руку. Он почувствовал, что нащупал узкиминуточку и понимаю, что только терпение и осторожность обеспечат ему успех.

— Видите ли, вы вступили в запрещённую организацию. Товарищи, я понимаю, но школа не потерпит этого. А ваши отец? Неужели вы хотите причинить ему неприятности? Снигов, нас интересуют члены FDI здесь, в Эссене! Мы раскопаем это осинное гнездо и без вашей помощи. Но мы дадим вам шанс. Поверьте, что ваши друг недолго выдержат, когда мы его... начнём допрашивать! Но тогда и вы будете замешаны.

Он вздрогнул, как от удара. «Замешан! — подумал он. — Замешан!»

Хайнер Бранд сидел в той же позе на холмистом полу в углу камеры. Вытигнув ноги, он не сводил глаз с маленького квадрата окна, сквозь решётку которого просачивались бледный свет. Голова его была склонена налево, спина прямая. «Что они делают там с Хорстом?» — Он дрожал при мысли о том, что организация, которой так верила им, может быть предана.

Он видел себя марширующим сегодня рано утром в колонне вместе с друзьями. Хорст рядом, а впереди Моника со знамением в руках. Все больше и больше народа умывалось в их ряды, рядах и шествия на встречу знамени, над головами пылали гигантские надписи: «Мир! Мир! Мир!». Сердце всех билось, как одно большое сердце, и стоило кому-нибудь запеть, как все сейчас же подхватывали знакомый мотив. Хайнер был счастлив.

И вдруг завязали сирены, раздались тяжёлые топот, из демонстрантов набросились отряды полицейских — удары дубинок, проклятья, стона. Моника упала. Хайнер хотел помочь ей, но страшный удар кулаком в лицо вытолкнул его в ногу.

Он привёз в больницу полицейским автомобиль. Сознание медленно возвращалось к нему. Сначала ломило виски, перед глазами пылали круги. Хорст, перепуганный, с побелевшим лицом и с расширенными глазами, сидел рядом с ним. Где-то гремели выстрелы.

Бой часов на ближней церковной башне отдался еле от воспоминаний. Хорст отступил уже в течение получаса. Наконец приблизился шаги, загрохотали засос, завизжали деревни петли, и кто-то втоянил Хорста в камеру. Юноша, с трудом перевёдя дух, в изнеможении прислонился к стене и закрыл глаза.

— Хорст? — Хайнер встал, подошёл к другу. — Ты...?

Смысл вопроса медленно дошёл до Хорста. Его дыхание участилось. Он схватил Хайнера за рукав.

— Нет! — прошептал Хорст.

Хайнер молчал. Ему хотелось сказать многое, но он не находил слов. Самоценно было всё это для него самого. Быть руководителем Хорста — впервые со временем их знакомства, — на это он не считал себя способным.

Тишина нависла в камере, как кошмар. Она давила всё сильнее и сильнее. Но вот изнутри, на улице, послышались громкие крики, сперва отдалые, а затем сливущиеся смешанный, непрерывный гул. Тюрьма заворковалась. Постыдившись от величие крики, ударили кулаками в двери камеры.

— Прекратите гладить! Тиши!

Хорст подскочил к окну, прислушавшись. Когда он обернулся, его лицо было белым, как мел.

— Они стреляют в толпу, — сказал он. — В наших, — прошептал Хайнер.

— Но они не сделают этого, мы не позволим... — Хорст запнулся. — Мы, — сказал он, — мы...

Всё громче и громче раздавалось у сальных стен тюрьмы: «Убийцы! Убийцы!»

Хайнер вскрикнул. Пересыпал себя, подбежал к двери и начал барабанить в неё кулаками, как это делали в других камерах.

Но Хорст стоял, не двигаясь, чувствуя, как внесёзно слёзы потекли по его щекам. Он думал о том, что он сказал «мы» и что на месте тех, кого застрелили. Курта и Моники, мог быть Хайнер или даже он сам. И внесёзно ему стало ясно, что безразлично, кто был это ими — был убит друг, человек, отдавший жизнь за то, к пониманию чего он, Хорст, был так близок.

И таким мизерным показался ему его страх перед тем, что произошло, таким убогим...

Когда дверь камеры с шумом распахнулась, Хайнер шагнул вперёд. Но комиссар, который допрашивал Хорста, пинком отбросил юношу в угол.

Широко расставив ноги, он встал перед Хорстом.

— Итак, Снигов, не будем больше терять времени. Давайте имена и покончим с этим. Вы ведь знаете...

Хорст подошёл ближе. Крики, доносившиеся с улицы, ободряли его, придавали ему силы.

— Не слишком ли вы торопитесь, господин комиссар?

Комиссар недоумённо уставился на него. Какая твёрдость прозвучала в голосе этого юноши, который ещё совсем недавно был так близок к тому, чтобы сдаться? Хайнер тоже с удивлением смотрел на своего друга: уверененный тон был для него новостью.

И снова был задан вопрос:

— Так это очень срочно, господин комиссар? Несмотря на стрельбу? Вероятно, вы очень слабы!

Следователь подошёл ещё ближе. Наabus его от напряжения выпустили жилы. Но Хорст не отступил. Он стоял на месте, тонкий и прямой.

— Я понимаю, что вам долго обойдётся это убийство. Настает момент, когда вам захочется, чтобы этого никого не случилось. Вы слышите, что делается там, на улице? Их будет всё больше и больше. На место мёртвых встанут тысячи живых. И я, комиссар!

Комиссар настолько ударила его по лицу, Юноша пошатнулся, но удержался на ногах.

Хайнер стал рядом с ним и положил руку ему на плечо. Они были ближе друг к другу, чем когда бы то ни было.

Переведено с немецкого
М. ФРАКТЕР.

ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ

Михаил Серёгина очень молод. Он самозованный влюблён в жизнь, в хороших людей, в свою профессию журналиста.

В армейскую газету, куда направили его временом, Серёгина привели с мечтой «о трудах поездок», о больших корреспонденциях из района боя, с глубоким анализом действий наших частей, об операциях, которые прочитывали бы задлом... о том, чтобы бойцы, развернувшись, газету, говорили: — Ага! Оять статья Серёгина. Надо обязательно прочитать... Здорово пишет!

Но пока в район боя выезжал «сам Тараненко», начальник отдела А Миша, наблюдав за тем, как, возратившись в редакцию, Тараненко уверенно дровами машины погонял, то, посыпав се и замахнувшись. Это было так похоже на его идеал! Сначала Серёгину «давали» править военкоровские письма и писать авторам ответы, под которыми подписывалась Тараненко». А если и посыпали в командировку, — собирали «курины боевого опыта». И он собирая их с воодушевлением, «но напечатанные, сильно скрашенные секретарём» заметки, под которыми даже не было подпись, а стояло в скобках «Наш корр.», показывали ему пресмысли, как манная каша в военкоровской столовой: «Что же быть, если не буду под赞赏ым?»

Так рассказывает Александр Гончаров о первых шагах главного героя своей повести¹ — военного журналиста Михаила Серёгина, — рассказывает тепло, с добрым, душевным юмором, которым, кстати сказать, пропитана и вся повесть. По мере того, как мужает и закаляется герой повести, освобождаясь от юношеских, нетубоких представлений о труде военного журналиста, авторская улыбка всё чаще уступает место гордости за героя.

Серёгина окружают разные по характерам, но одинаково интересные своим характером соединенные люди. И хотя не все они показаны с достаточной полнотой, автор сумел у каждого из них выделить именно те черты, которые больше всего определяют их индивидуальность, благодаря которым они запоминаются читателям.

¹ Александр Гончаров. Наш корреспондент. Повесть. №№ 11 и 12 за 1952 год.

Очень мало места отведено в повести редактору газеты Макарову. Но читатель хорошо видит этого человека, каким он был — бывшего коммунистического комиссара, получившего от коротко скупую похвалу на редакционном совещании было большой честью для каждого работника. Более полно очерчен ответственный секретарь московской Станции. Не только для Серёгина, но и для других он был «вполночем» порядка и аккуратности». Начальник отдела капитан Тараненко выступает в повести человеком большого и чуткого сердца, опытным и талантливым журналистом.

Лучшие люди небольшого коллектива армейских журналистов вызывают у читателя чувство глубокого уважения. Это неизменно — и то, что автор подчас называет нам им через восприятие главного героя — Серёги.

Ясная, открыта душа молодого журналиста впитывает в себя всё хорошее, что есть в коллективе газеты. Характер Серёгина, формирующийся на глазах читателя, представляется собой как бы сплав из того, что Серёгин перенял от своих старших товарищей, что взял из своего личного боевого опыта военного журналиста. Уже в первой самостоятельной поездке на линию огня Серёгин проявляет замечательную выдержанку, хладнокровие, умение находить в самых пакостных ситуациях спасибо пакости, находить в самых опасных обстоятельствах спасибо опасности. Он не боится, что солдаты заподозрят корреспондента в трусости, чтобы тень легла на всю газету. Вместе с солдатами журналист идет в бой.

Постепенно, от события к событию, растёт, мужает военный корреспондент Серёгин. И в этом одни из приятельских черт повести.

Показывает становление характера своего героя, писатель раскрывает юношескую чистоту его души. Неповторимая свежесть первого чувства, которое испытывает Серёгин, когда впервые становится писателем — это и есть его самое главное.

С той минуты, когда Серёгин впервые увидел тоненько смуглую девушку и скопище развязного зевак, потому что уж очень оробел перед ней, писатель говорит: «Привет!.. Наша новая соседка?» — и до того дня, когда Наташа сказала ему так просто — и так доверчиво: «Здравствуйте, Миша!» — это чувство выросло в большую, настороженную любовь, переполнившую его сердце.

В своей повести А. Гончаров показывает также яркие картины партизанской борьбы, разбросанные скромными и мужественными подпольщиками. Но, отдался вним-

анием читателя от судьбы армейских журналистов, от фронтовой жизни, писатель не сумел избежать некоторой композиционной несобранности, отрывочности.

Несмотря на отдельные недостатки, повесть «Наш корреспондент» свидетельствует о ярком дарении её автора. Александр Гончаров создал образы, которые могут служить примером.

Печатью светлого таланта отмечена первая и, к сожалению, последняя книга писателя.

Лично знавший Александра Гончарова по работе в армейской редакции писателя Виталий Закрутин рассказал о ней на страницах «Правды»:

«Поболтал я ему сразу. Он никогда не терял самообладания, был отважен, исполнителен...

«К своей работе фронтового корреспондента он относился гордо и самоуверенно. Свои работы бывали в странах, где боя мы встречали его на горных перевалах, в лесистых ущельях Кавказа, на приморском пошесе. Придерживая руку полевой сумки, в сбоях набок пытавшейся в запыльенной гимнастёрке с расстегнутым воротом, Александр Гончаров шагал из роты в роту, насилии на подложках грузовых машин, пробираясь в затерянные в лесах блинджаки, доставляя в редакцию свежую информацию о последних боях, о новых героях...

Когда тяжкая, неизлечимая болезнь подкосила его, все кто знал Гончарова, не переставали говорить о нем с восхищением: «Он был человеком доблести, к жизни, казалось, неистребимой, моя воля и жажду труда тащила в немодянском духе этого удивительного человека».

Когда читала книгу Гончарова, кажется, что это сам автор со всей своей неискажаемой любовью к жизни и жаждой труда живёт в обрамлении Миши Серёгина.

Наш корреспондент! Носить это высокое звание может только чудовищ чистой души, благородного и мужественного сердца. Таким и был перед нами журналист со страниц талантливой повести. Его острый и наблюдательный глаз проникает вследу, где стоит на ваших советский человек. Его язык, правдивое слово окрыляет приюта и поражает врага, ибо словом этим вооружила его наша великая Коммунистическая партия.

В. РОСЛАКОВ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

● Нерушимая дружба народов Советского Союза. Дружба эта родилась в 1917 году. Она крепла и закалывалась в горячих боях. Она — это испытание и отголоски Великой Отечественной войны.

Великой дружбе народов нашей страны и зарубежных стран посвящена книга Гамзатова «СЛОВО О СТАРШЕМ БРАТЕ», выпущенная в свет Типографией «Молодая гвардия».

Роман пронизнут павловским идеалом, павловским духом, духом села Гамзатова, духом «Московской Времени», вышедшей в издательстве «Молодая гвардия».

Роман пронизнут павловским идеалом, духом русского и эстонского народов.

Автор воссоздаёт ту историческую обстановку, в которой совершился этот роман.

Книга — это памятник великому

герою — писателю Гамзатову.

На примере главных героев книги читатель видит как павловские

и эстонские труженики против

протестуют угнетения, против режима насилия, вынырнувшись в широкое народное движение за свободу.

○ Славных днях, когда эстонские труженики решительно сро-

чили гнуть национальной и иностранной буржуазии, рассказывается в книге молодого писателя Гамзатова «МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ», вышедшей в издательстве «Молодая гвардия».

В книгу вошли произведения, созданные поэтом за последние годы.

Воронино, проходящий «Великую Отечественную войну в партизанском отряде Копака и известный как певец геронов военных будней, в годы мирного строительства посвятил свой жизнерадостный и жизнеутверждающий коммунистический поэтический труд.

Малышев знает и любит стихи

П. Воронино. В новых сборниках

занимательных стихов

вспоминает о жизни и творчестве

Юрия Нагуяля и Юрия Смирнова.

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

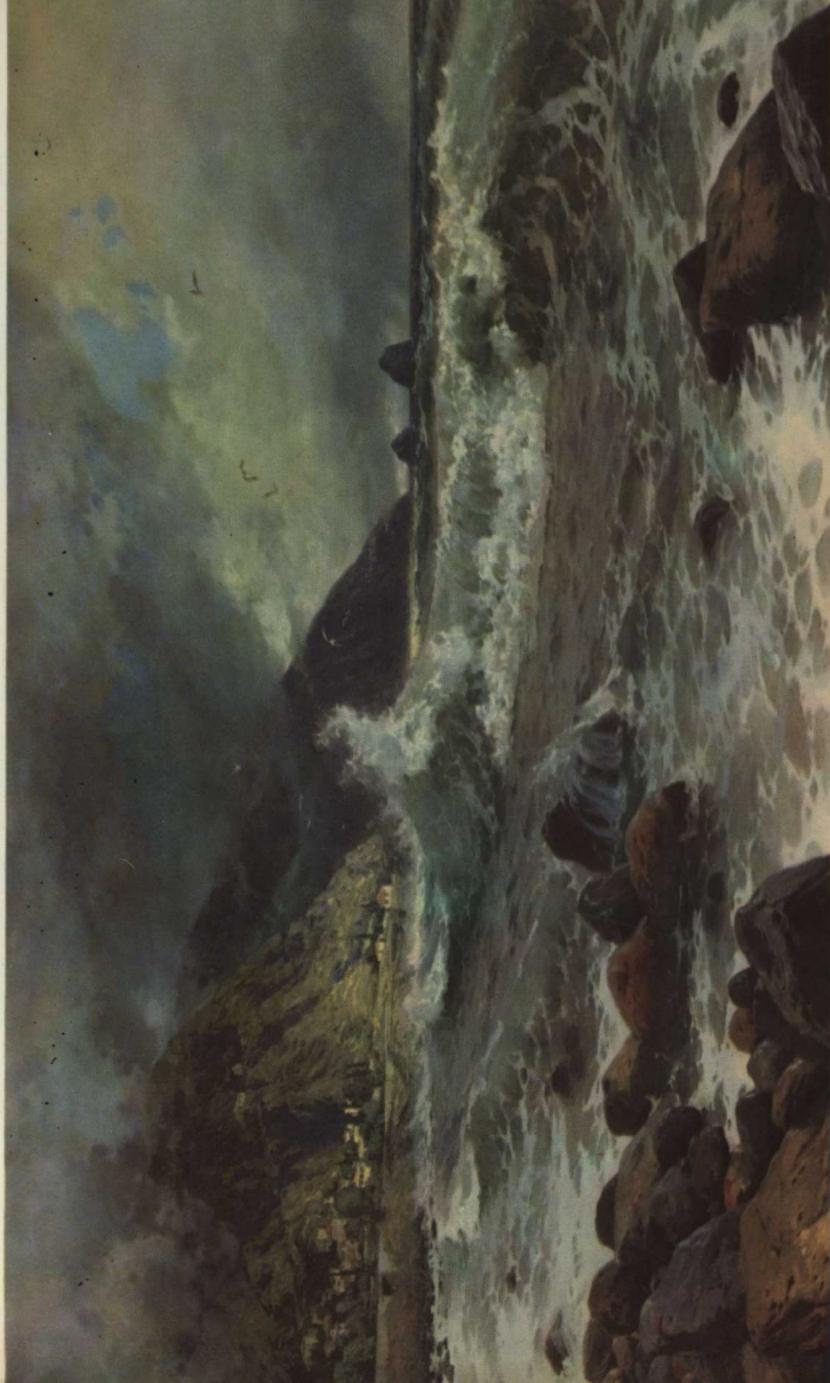
Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль

Юрий Смирнов — это Юрий Смирнов

Юрий Нагуяль — это Юрий Нагуяль</

В. ПРАДОВ.
Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

Прибой.

Заслуженная артистка РСФСР Е. Смоленская.

ФОТО Е. Игнатович.

СПОРТСМЕНЫ ОДНОГО ЦЕХА

После короткого дождя деревья в лесопарке стоят будто умыты.

По аллею идут двое: секретарь комсомольской организации третьего стальеплавильного цеха инженер Виктор Соколов и физрук — слесарь Анатолий Масаков. Разговор идет о спортивной весне.

Соколов, человек обстоятельный и говорит медленно, рассудительно; Масаков, румынин юноша с яркими глазами, отвечает взывительно скогородковской.

Из есть о чём поговорить: склонка и многообразия спортивная жизнь цеха. Сегодня назначена очередная тренировка к общезаводскому кроссу.

Навстречу друзьям направляется группа рабочих из профактного цеха. Один из них, Анастасин, машет фуржкой:

— Стальеплавильщикам привет! На тренировку? Ну, ну!

— На встречи на футбольном поле!

Масаков склонка краснеет. Невольно вспоминается ему прошлогодняя финансовая встреча с профактчиками на Кубок завода.

Последние минуты игры. Счет — 1:1. Анастасин вырвалась вперед. Ему подают высокий мяч. Масаков хочет достать его головой, но передумал. Мяч в ногах у Анастасина; тот бьёт с ходу...

Профактчики уносят Кубок к себе, в свой красный уголок.

«На этот раз не уступим», — думает Анатолий. — Тренировки показали, что зима не прошла для футболистов цеха впустую: ребята научились водить мяч, быть по воротам сильнее и точно. А главное, в секцию вились много способных новичков!»

Заводские велосипедисты на тренировке.

Масаков и Соколов подходят к месту сбора физкультурников цеха. Здесь, у пересечения двух широких аллей, где стоит знаменитая, изрезанная изображениями сердец скамейка, сбились молодые стальеплавильщики.

Большинство из них уже готово к тренировке.

Анатолий здороваются с товарищами. Ему приятно видеть этот дружный, сплоченный коллектив спортсменов, которым он гордится. Сколько сил вложил Анатолий, чтобы создать его! Масаков вспоминает, как уезжал в конце прошлого года бывший физрук Михайлин и как Анатолий, одногодка из лучших спортсменов цеха, выбрали физруком...

Тогда в цехе было всего двадцать человек физкультурников.

— Надо вовлекать народ в спорт, — говорили Анатолию.

А как вовлекать, он не знал. На помощь пришел Соколов. Собственно, с этого момента и завязалась их дружба.

— Ты постараешься сколотить вокруг себя актив из лучших физкультурников, — посоветовал Соколов, — сразу будет легче. Для начала проведем открытое комсомольское собрание. Принеси кружку, — поговорим с ней о физкультурном массовом труде в цехе.

Анатолий стал «еколаживать» акции. Прежде всего он остановил свой выбор на Борисе Чижунове, кузнеце, бывшем моряке-балтийце. Чижунов отливался исключительной серьёзностью и добросовестностью. Помогать Анатолию он согласился сразу.

Другим помощником Анатолия стал его приятель Володя Фролов. Правда, он, как и Анатолий, сам недавно пришёл из ремесленного училища, но за всякое дело брался с азартом. И это восполнено недостаток опыта.

После комсомольского собрания многие сразу же записались в секции, главным образом лыжную и конькобежную. Но оставалось ещё немало ребят, увлекавшихся занятиями спортом под различными предлогами.

Анатолий видел учащейся на заводской катке, организовывал массовые вылазки на лыжах, устраивал читки спортивныхностей.

Коллектив становился прочнее, работа стала дружнее. Теперь товарищи чувствовали в Масакове настоящего руководителя; к нему обращались за советом в трудную минуту, с ним делились своими радостями.

С тёплыми солнечными лучами в этих пришла весна. Задолго до того, как растаял снег, Анатолий обошёл цех с блокнотом в руках, узнал, кто в какой секции будет заниматься летом.

Конечно, больше всего оказалось футболистов — около двадцати человек. Нашились и велосипедисты, и пловцы, и легкоатлеты, и горлононики.

Но Анатолий долго не знал, что делать с пловцами; реки вблизи города нет, бассейна

Борис Курев режим ударом посыпает мяч...

тоже нет, а желающие заниматься плаванием много.

Хороший совет подал Анатолию Чижунов — ездить по воскресным дням на Клязьму: и недалеко, и поездка часто ходит. Тренировать пловцов взялся Соколов. Еще учясь в Институте стали, он прекрасно знал, что этот вид спорта, не раз выступая на соревнованиях.

В городской синий благодаřи усиленной агитации Анатолий записался главным образом «стариком», то есть те, кому было за тридцать и у кого уже отросли пышные стальеварские усы.

За цехом прочие укрепились звание «самого спортивного цеха на заводе».

Обо всём этом вспомнил Анатолий, глядя на то, что гонящиеся к тренировке цеховых легкоатлетов.

...Тренер легкоатлетической секции Валя Шишкова скомандовал: «Построиться!», — и все замерли в строю.

Старт дан!

Занимаются начинаяющие пловцы...

ПОСЛЕ ЗВОНКА

Звонок весёлой трелью разлился по коридору, возвещая об окончании уроков утренней смены.

Минуты три — четырьмя постояла тишина, потом двери всех классов почти одновременно распахнулись, и в коридор с шумомсыпались ребята.

Выйдя из класса, Надя Прохорова, одна из сильнейших легкоатлеток школы, направилась к двум школам спортивных клубов. Так здесь называлась небольшая команда, в которой помимо школьного совета физкультуры, выступался «Знаник», хранился спортивный приз.

Сейчас в спортзале перед очередной тренировкой собирались легкоатлеты школы.

Учитель физкультуры Сергей Васильевич Ильин, рослый светловолосый человек, знаком спортсменов с пляжем предстоящей тренировки, даёт каждому задание. Затем ребята выходят на улицу и направляются вместе с учителем к сосновому лесу.

Там, на ровной поляне, защищённой от ветра стеною сосен, сажими физкультурниками оборудован небольшой стадион.

Надя шествует над группой бегунов. Она визла обязательство к концу года подготовить четырнадцать спортсменов юношеского разряда.

Надя показывает, какое положение спортсмен принимает перед началом бега, как следует держать руки.

Она переходит от одного к другому, управляет. Теперь можно потренироваться и на преволоках, дорожках.

— На старт! — командует Надя. Ногины спускаются на колени, упираются в стартовые колодки.

Марш!

Бегуны дружно устремляются вперёд.

— Назад! — командует Надя. — Равные времена срываешься, Аня! — обращается она к смуглолицей девочке с косичками.

Бегуны снова принимают положение старта.

Регулярно, круглый год, тренируются деденевцы. Вот почему они, встречаясь с юными спортсменами других школ, неизменно выходят победителями.

На прошлогодних соревнованиях юные легкоатлеты посёлка Деденева, Московской области, вышли на первое место по всем видам лёгкой атлетики, уступив лишь ярославским школьникам первенство по прыжкам. В спике-победителей Слава Античко, Виктор Ермилов, Аня Семина, Надя Прохорова, Валя Бильцева, Тоня Жукова, Нина Никитина.

спортивное знамя области на республиканском первенстве в Краснодаре. Но мать не разрешала Шуре уезжать на дом. Старая женщина говорила, что ей не справиться одной с уборкой огорода. Друзья дали слово помочь старинной матери и слово своей сдержанки.

Внимательно следят физкультурники и за успеваемостью товарищей. Когда кто-нибудь из спортсменов, что бывает, правда, весьма редко, получает двойку, весь коллектив приходит в беспокойство. Отставшему помогают одноклассники, и двойка в ближайшее же время исправлялась.

Педсовет школы не помнит случая, чтобы учитель физкультуры обратился к нему за помощью. Надо было обновить спортивный инвентарь, устроить военной базы площадку или сектор для прыжков — физкультурники сами справились с делом.

Хорошо помнят десятиклассники первую встречу с учителем физкультуры. Это было в 1945 году. Сергей Васильевич Ильин пришёл в школу в солдатской шинели. Молодой учитель сразу же завоевал симпатии ребят. В школе закипела спортивная жизнь...

Этим летом, как всегда, школьники проводят туристские походы, соревнования на беговых дорожках, на футбольном поле, на реке.

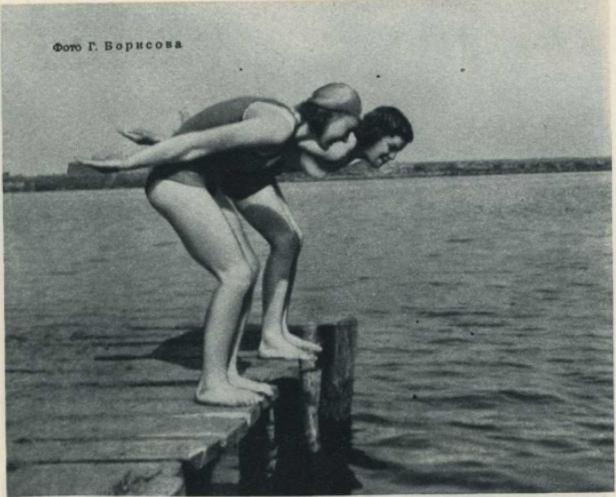
...Знакомый дымок потянулся над камышами; и пока в котелях кипят уха, над сверкающей водой плынут хорошие, задумчивые пеесни.

В. ЧЕРНОСВИТОВА

Собрание легкоатлетов. Выступает Надя Прохорова.

Фото Г. Ворисова

После работы колхозных пловцов Ольгу Тарыгину и Нину Боронову можно видеть на реке.

ЧЕМПИОНКА РЕСПУБЛИКИ

Ольга откладывает книгу и встает из-за стола. Пройдясь по комнате, девушка останавливается у зеркала.

Майское солнце уже успело наложить слой загара на её лицо.

«Апереди ещё целое лето», — думает Ольга.

Торопчивый стук в окно отвлекает её. Раздаётся знакомый голос почтальона: «Причина, Ольга, очередные...»

Но полоконки выбрасывает пачку конвертов. Сверху лежит голубой конверт со штемпелем «Международное». Ольга аккуратно разрезает его.

«Здравствуйте, Ольга. Меня зовут Ярослав Ангелов Бывчаров...» — читает она.

Но полоконки комсомолец, прочитавший в «Комсомольской правде» заметку о победе Ольги на лыжных соревнованиях, подразнивает её с усёком:

«Ольга! Напишите о Москве, о своём колхозе «Пламя», о комсомольцах, о Вашей жизни, как Вы стали такой замечательной спортсменкой...» — так заканчивает юноша свою письмо.

«Напишите о Вашей жизни...» Ольга берёт ручку, чистый лист бумаги. Нет, решительно ничего не приходит в голову такого, что было могло быть интересным для болгарского юноши.

...Эюнайский июльский подень. Река замачивается, сверкает, искирится под лучами солнца. На середине её чернеет голова каштановой старшей сестры. Ольга пробует ногой воду. Тёплая. Она делает несколько шагов вперёд. Проглатывающий крик разносится над рекой...

Когда маме не говорят, — просит она, когда сестра вытащила её из берег. И решительно добавляет: — А плавать будем, теперь вместе!

Следующим летом их матери Марии Андреевне Тарыгиной принесли изрядно повзрослевшуюся. Тысяча захлопывается по хождистству, а dochku уже в воде.

Забежит соседка: «Иди-ка, Андреевна, посмотря, что там ваши разделяют!» Спустяся мать к реке, и сердце у неё замер: за пароходом бежит треугольный след, а в нём две сестры:нырнут под баржу и, кажется, целиком

вечности не показываются. Мальчишки с заистью на них поглядывают: «Эх, и смелые...»

...В 1949 году в колхозе задумали провести конкурс билеёв. В воскресенье в клубе собралась молодёжь. До полуночи слышалась стук гирь, о деревянный помост. Даже пожилые пришли посмотреть, кто окажется всех сильнее.

Тогда и задумались комсомольцы: а что, если соорудить настоящую штангу? За это взялись колхозники электрик Борис Коробёл. Ему помогали горнисты.

Девушки Штага получились тут же, куда и не хуже той, что побеждённая подпировала в городе, в магазине!

Зашевелились и шахматисты. Купили несколько партий шахмат, шашек, начали прводить в зале турины.

«А когда наступило лето, комсомольцы построили водейбильную площадку. Ну, что, может остаться равнодушным, когда с площадки доносятся звонкие удары по мячу?.. Постепенно молодёжь полюбила спорт. Только Ольга держалась в стороне. Застенчивая по натуре, она стеснялась показываться на площадке. То ли дело река: забиралась куда-нибудь подальше, склоняясь к воде, в магазине!

Но вот Ольгу выбрали в совет физкультурists. Вместе с возчиком Борисом Савельевым, плотником Ворисом Ачиным, оторванной Ниной Жуковой она взялась за организацию спортивных секций. «Коллектив работает быстро.

Ольга ходила за покупками, девчата на реку. Ей казалось, что плавает она неплохо. Ещё бы! Разве кто-нибудь быстрее её мог пересечь широкую ленту Москвы-реки?

Однажды вечером девчата, как обычно, собирались на берегу. По команде Ольги бросились в воду, поплыли.

Первой достигла намеченной черты Ольга, за неё пришла Валентина Мишуринца.

— А плаваете-то вы плохо, — вдруг услышали они чей-то голос.

Из-за кустов выныкнул высокий невесомый молодой человек с карими весёлыми глазами.

Знаете, что говорит этот маленький механизм? — Он выпнул из кармана секундомер. — Даже победитель не дотянул шесть — семь

секунд до норматива третьего разряда. А всё потому, что техника слабая.

Так состоялось знакомство колхозных пловцов с аспирантом Московского института физкультуры Валентином Масловым. Молодой аспирант давно уже мечтал наладить в каком-нибудь селе работу плавательной секции.

В «Пламя» Валентину понравилось. Народ приветливый, дружный, с таким работать приятно. Два раза в неделю стал приезжать Маслов в колхоз.

Труднее других, как ни странно, приходилось молодому тренеру с Ольгой Тарыгиной. Всё время она, она на тренировках больше отмачивалась. Стеснялась спросить, даже если что не ладилось.

А так часто бывало. Недостаток у неё оказался немногим меньше, чем у других. Бывали дни, когда Ольга готова была заплакать от лосады. Нет, не выйдет из неё настоящей спортсменки!

Видя, что молодёжь увлеклась плаванием, Маслов предложил построить водную станцию. Это предложение было поддержано правлением колхоза. Молодые колхозники использовали каждый свободный час. Они волнили материал, забивали сваи, строгали доски. От берега поперёк течения реки ими сделан трап, на нём установили три скамейки.

Хорошо стало на реке! Многие заходили в обеденные перервы, поблаживаться, как парни и девушка, лежа на лодке на прозрачную воду, стремительно скользят по ней. А вскоре команда пловцов колхоза «Пламя» во главе с Ольгой Тарыгиной завоевала звание чемпионки Московской области.

Следующий приезд Маслова в село был неожиданным.

Он первым делом зашёл к Ольге и коротко сказал:

— Собирайся... Завтра едем в Краснодар на республиканские соревнования...

От неожиданности Ольга необычно тихо спросила:

— Как?

— Едет вся команда. Будем защищать честь области.

...И вот Ольга на старте стометровки. Она вспомнила, и команда старта застает её врасплох. На долю секунды она задерживается.

Две девушки — русая и тёмноволосая — уже впереди неё. Ольга знает: это основные соперницы — Смирнова и Ильченко.

Ольга прондигается вперед резкими и сильными гребками. Её движения чёткие и ритмичные. Поворот — и на дорожке уже впереди Тарыгина. Пружинистое тело теперь словно само скользит вперед. Финиш! Щёлкает судейский секундомер. Победа!

Выиграла Ольга и запись на 400 метров. Здесь она как началы или кончики, так раньше всех и пришла.

Домой приводят с собой с багажом. Радиопринёсик «Урал», новенький, сверкающий никелем велосипед увозила она из Краснодара. Но самой большой радостью было то, что команда с её родного колхоза завоевала второе место.

Отрадным был этот год не только для пловцов. Легкоатлеты, волейболисты, гребцы, шахматисты колхоза «Пламя» заняли все призовые места в Раменском районе, показали хорошие результаты и в областных соревнованиях. Около ста юношей и девушек колхоза стали разрядниками по различным видам спорта, знатчками «ГТО».

Осенью Тарыгина заключили семинар инструкторов-общественников по лыжам. Но не в её характере оставаться равнодушной к своему делу. Если уж учить других, так надо и самой быть примером.

В лыжной гонке на 8 километров Ольга становится чемпионкой района. Её ученицы Нина Мишуринца, Нина Жукова также приходят к финишу с отличными результатами...

«О чём же написать юноши из Болгарии? — думает Ольга.

После раздумья она всё же откладывает ручку в сторону. Ничего, напишет позже. А пока надо сходить к девчата из бригады — Вале Озимской и Гале Сибирковой. Они дали слово ходить на занятия по плаванию. Надо поговорить, пока не раздумали.

С этой мыслью Ольга выходит из комнаты. Дробный стук ёё каблуков постепенно замирает в вечерней тишине.

Вик. МАРЬЯНОВСКИЙ

БОЛГАРИЯ СТРОИТСЯ

8 февральский день 1947 года на один из холмов, окружавших маленькую франкскую станцию Раковски, поднялась группа юношей в зелёных шинелях. Это были командиры молодёжных трудовых бригад.

Они пришли сюда по воле партии и правительства: здесь, на голой равнине, рассстилавшейся у них под ногами, должен был вырасти новый город — с заводами и фабриками, с улицами и площадями, с красными домами для рабочих. На молодёжные трудовые бригады была возложена почетная задача — начать битву за строительство города.

Таял снег, дул тёплый южный ветер, с утра до вечера светило солнце. На равнине шли подготовительные работы. Вырастали бараки, которые скоро должны были принять первых строителей. Начались земляные работы на строительных площадках химического комбината имени И. В. Сталина и теплозаводостроительной станции имени Вылко Чрвенковса.

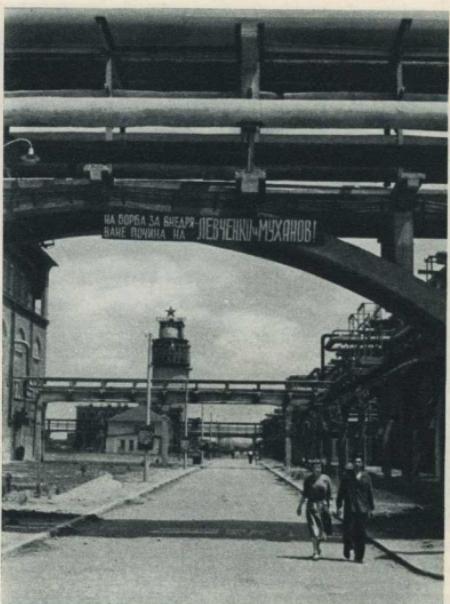
В конец июня вошли болгарского народа Георгий Димитров да согласие на то, чтобы будущий город носил его имя. Центральный комитет Димитровского союза народной молодёжи принял юношам и девушкам принять активное участие в строительстве

нового города — «болгарского Комсомольска», как назвал его народ.

И вот с поездов группами и по одиночке начали скользить молодые рабочие. Они приезжали с далёкой добруджанской равниной, с заводов и фабрик, из гимназий и высших учебных заведений. С любопытством оглядывались вокруг парни и девушки, впервые покинувшие глухие горные деревеньки. Молодые люди были одеты по-разному, но все они — и те, что заняли за плечи пестрые деревенские котомки, и те, что держали в руках чехоманчики, — несли в своих сердцах пламенную любовь к родине, желание продержаться на ней благо.

Они быстро устраивались в бараках, менялись и скоро становились друзьями. Вечером, после долгого трудового дня, собирались вокруг лагерного костра, пели песни, читали стихи, танцевали, несмотря на усталость, весёлья и быстрые болгарские «хоры».

И там, где совсем недавно только ветер гнал по равнине сухие перекаты-поле, где было так неуютно и непривычно, стали вырисовываться очертания громадных корпусов химкомбината и теплозаводостроительной станции имени И. В. Сталина и Димитровграда.

Химкомбинат имени И. В. Сталина в Димитровграде.

1951 год. Над страной прозвучал призыв партии: «Димитровградцы! Построим досрочно химкомбинат имени И. В. Сталина, на год раньше срока, дадим искусственное удобрение изголодавшимся землям!»

Димитровградцы запомнят непривычные дни и ночи 1951 года. В порты Сталин и Бургас прибывали советские пароходы, по стране мчались с весёлыми гудками поезда, и в Димитровграде ежедневно выгребали прибывающие из великой Страны Советов машины и оборудование. Приехали советские специалисты, и под их руководством началась монтаж химкомбината.

5 ноября 1951 года товарищ Вылко Чрвенков широким, энергичным взмахом перерезал красную ленту и первенец первой димитровской пятилетки — химический комбинат имени И. В. Сталина — вступил в строй!

И теперь в юго-восточной части Болгарии, на франкской равнине, на берегу Марицы, живёт, трудится, с каждым днём становится всё больше и краше тридцатисильный город Димитровград.

Библиотекарь химкомбината Ольга Кирилова обсуждает с молодёжью новую книгу.

В канун 1 Мая организация ДСНМ машиностроительного завода имени Георгия Димитрова организовала встречу молодых рабочих со старой заводской гвардией. На встрече присутствовали гости — члены кооператива из Ново-Села, одного из тысяч сел, на полях которых работают выпускавшие заводом сельскотехнические машины.

Много порушенного планов и рассказывают старые рабочие. Трудно забыть старое время, да и нет уж давно оно было — девять лет, ещё не прошло с 9 сентября 1944 года. В рассказах ветеранов оживает события ре-

В Роднских горах вырастают новые города.

волюционной борьбы. Асен Гильбаров говорит о первомайских демонстрациях, о скватах с колхозной полицией, а Юрдан Савов вспоминает об организованном рабочими саботаже во время последней войны, когда завод должен был производить морские мини для фашистской армии.

— Мы не могли делать оружие для тех, кого мы ненавидели. И Савов, обращаясь к молодым копорянам из Народного фронта, рассказывает о рабочитце из села Маре Миновой, маленькой кудрявой женщине, смелой коммунистке, которая не сломила истязания и издевательства полицейских. Не проронив ни слова, сильная и гордая, она пошла на вину.

Разгром фашистской Германии, наступление Советской Армии на Балканах и успех народного восстания в сентябре 1944 года открыли перед болгарским народом путь к свободе. Началось невидимое строительство.

Разгром фашистской Германии, наступление Советской Армии на Балканах и успех народного восстания в сентябре 1944 года открыли перед болгарским народом путь к свободе. Началось невидимое строительство.

Завод рос бурными темпами.

В 1947 году он дал семнадцать молотков, в 1948 — пятьдесят, а в 1952 — уже пятьсот.

Сейчас на заводе выпускаются тысячи различных сельскохозяйственных машин. По сравнению с 1949 годом производство увеличилось в двадцать раз.

История завода характерна для всех предприятий, национализированных народной властью. Но ещё в больших масштабах ведется новое строительство. Наша страна стала одной громадной строительной площадкой, где каждый день закладываются новые стройки и каждый день вступают в строй фабрики, электростанции, шахты.

Благодаря огромной и бескорыстной, братской помощи Советского Союза, благодаря энтузиазму и трудовому героизму нашего народа мы достигли больших успехов в индустриализации страны. В 1952 году объём промышленной продукции при одновременном увеличении сельскохозяйственного производства превысил объём сельскохозяйственной продукции.

Мы давно забыли о безработице, это обычное явление в капиталистическом стиле. Да и какой безработице может идти речь, когда только в 1949—1952 годах построено, расширено и введено в действие более семисот промышленных предприятий! О какой безработице может идти речь, когда за четыре года пятилетки численность болгарского рабочего класса увеличилась на триста и лишним тысяч человек?

Огромные успехи нашей страны и в области сельского хозяйства. Благодаря правильной политике партии и правительства, основанной на ленинско-сталинской теории и на советском опыте, расширились укреплялись социалистические формы сельского хозяйства — государственные земледельческие хозяйства и трудовые кооперативные земледельческие хозяйства (ТЗХ).

У нас организовано более 2 500 ТЗХ, 1500 кооперативов, бригад, в них около трёх тысяч рабочих, из которых знает вся страна. Так, например, бригада Крыжановской Эндинровой в ТКЗХ села Златиград, Пловдивского района, получила с 50 гектарами урожая 5 722 килограммов пшеницы с гектара. Герой социалистического труда Петър Пачев получил от каждой синантиной 27 поросли. Герой социалистического труда Иван Гардев из МТС села Алексово, Свищтовского района, выполнил план прошлого года на 321 процент.

Трудно переоценить помощь, которую мы получаем от Советского Союза. И дело не только в чисто материальной помощи. Советский опыт, начинания советских стахановцев — это неисчерпаемый источник, из которого наш рабочий класс, наш молодёжь черпает новые идеи, прорывы.

Работая по методу Лихачева и Муханова, коллектива «имени Кирова» и наименованием И. В. Сталина за девять месяцев прошлого года скончомил более 26 миллионов левов. В начале января этого года рабочие самой большой болгарской прядильной фабрики имени Эрнста Тельмана подхватили почин Рождества и Кононенко и начали движение за использование внутренних резервов предприятия.

Движение было быстро подхвачено всем заводским коллективом. За несколько дней было внесено 320 предложений. Разгоревшееся соревнование приносит уже свои плоды: скончомлено 18 тысяч килограммов хлопка, себестоимость продукции снижена на 12,9 процента.

И так по всей стране.

Большую помощь нашему трудающимся в освоении передовых методов труда оказывают советские люди, посыпающие наше страну. У нас в Болгарии живёт Петюн Генчев, теперь лауреат Димитровской премии, Герой социалистического труда, поймавший свой первый тяжеловесный состав. У нас побывал Николай Чикир — и наши токари стали работать на больших скоростях.

Герой социалистического труда, лауреат Димитровской премии, молодой каменщик Фердо Стоянов со своей бригадой 29 августа прошлого года поставил новый рекорд: — в течение 12 часов — выполнил норму на 1 200 процентов! Когда это поздравляли с успехом, он сказал:

— Надо поздравлять советских стахановцев Короля и Максимилю. Это они творят скоростного метода.

Недавно часть советских специалистов уехала из Димитровграда. Но молодёжь будет помнить русоволосую электротяжницу Лидию Кудрявцеву, Дмитрия Рязанцева, Володю Бесконова и других советских товарищей, помнили их и следователи их привер.

По советским проектам, с современными машинами и оборудованием строятся у нас ряд заводов. Один из них — первенец болгарской металлургии — Государственный металлургический завод имени В. И. Ленина. Скоро потечёт болгарская сталь, и первые плавки дадут те, которых учили советские люди, наши братья.

Когда-то Димитровград был самым молодым городком Болгарии. Но это было год — два назад. А теперь...

В южной части Болгарии широко раскинувшись склонами красивых гор Родопы, Горы Родопы, в чьей южной недавно была самыми отсталыми в экономических и культурном отношении краем, Единственное, что привлекало к нему, были его прекрасные курорты. Но вот на вершины Родоп стали взбираться новые «туристы» — геологи-разведочные экспедиции.

Теперь у Болгарии появился новый горнорудный бассейн — родопский, и там встают сильные, молодые города. Город Родопы, который сейчас недавно был самым отсталым в экономических и культурном отношении краем, Единственное, что привлекало к нему, были его прекрасные курорты. Но вот на вершины Родоп стали взбираться новые «туристы» — геологи-разведочные экспедиции.

Наш народ уже называет Родопы «каменным Уралом», и в это имели болгарские трущебища вложили всё: и свою любовь к великой Советской стране, и свою благодарность советским людям за братскую помощь, и свою новую национальную гордость — гордость рожденного в нашей стране нового поколения. Наши горы, блестяще лежащие на советском пути и с каждым днём, всё больше становятся похожа на любимую страну строящегося коммунизма.

Перевела с болгарского
Ника ГЛЕН

Бизнес

«Ахайзер — Буш» покупает «кардиналов» за 3,7 миллиона долларов! — такое сенсационное сообщение появилось в марте этого года во многих американских газетах. «Кардиналы» — известный в Америке клуб профессиональных бейсболистов, а «Ахайзер — Буш» — это менеджмент пивной концерни, во главе которого стоит мультимиллионер Аугуст А. Буш. На первый взгляд кажется, что общего между пивным концерном и спортсменами-бейсболистами нет. Дело в том, что спорт в капиталистических странах — один из самых доходных видов бизнеса. Поэтому, когда прежний хозяин клуба «кардиналов» объявил о продаже «концеп» всех игроков, глава пивного концерна немедленно выложил около четырёх миллионов долларов. Игроков при этом даже не спросил. О том, что они теперь принадлежат новому хозяину, бейсболисты узнали из газет.

Буржуазная печать не увидела в этой истории ничего невероятного. Сенсацией была только сумма, которую уплатили за игроков, и сам факт продажи. В странах капитализма спортсмены продаются и покупаются, как всякий другой товар, целиком завися при этом от цены хозяина.

В конце прошлого года в мюнхенской газете «Зюдадлер Цайтунг» (Западная Германия) были опубликованы данные, характеризующие размеры подобного рода торговли в западных странах. Вот некоторые из них. Английский футбольный клуб «Астон Вилла» купил в прошлом году один из лучших нападающих Англии, Тревора Форда, за 29 500 фунтов стерлингов. За четверть миллиона фунтов испанское футбольное объединение «Мадрид» — «приоребло» немца Фрица Вальтера. Своебразный рекорд в этом отношении побил футбольный клуб «Уол верхэмптон», заплативший за футболиста Айвора Олчерча 36 тысячи фунтов стерлингов.

При продаже и покупке спортивных земельных участков загребают колоссальные бармы. Продаются земельные участки, на которых же или спортивные «зэбзы» не получают при этом ничего.

Духом наивных пропагандистских буржуазных спортивных союзов, то есть зараженной значительной частью самих спортсменов, то и дело в газетах появляются скандальные сообщения о продаже не только отдельных спортсменов, но и целых команд. Совсем недавно широкую огласку получила нестяжимая история с подкупом команды Нью-Йоркского университета — одной из лучших баскетбольных команд США. Продление клуба и игроки команды заключили сделку, согласно

тюч боевеской спорта

которой они обязывались проиграть все оставшиеся игры. Только благодаря случайности машинация всплыла на свет.

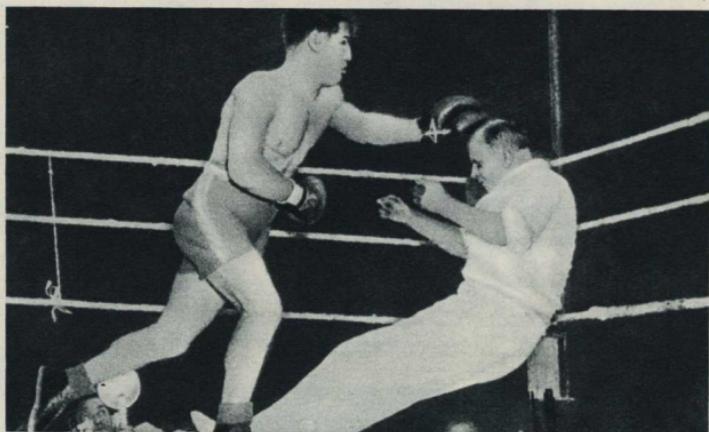
Многочисленные дельцы, превратившие спорт в источник барышей, культивируют в первую очередь те виды спорта, которые собирают наибольшее количество публики и, следовательно, приносят наибольший доход. Спортивные дельцы создают новые, с позором сказать, виды «спорта» и «модернизируют» старые: бокс, футбол и другие.

Вот как описывает немецкий журнал «Уса и Ворт унд Бильз» один из матчей «бокса», устроенный неким Руби для американских солдат: «Боксеры завели себе глаза, а перчатки наполнили кусками дерева и свинца. Через несколько минут после начала раунда на лица представляли собой кровавое месиво. Публика шумно выражала своё одобрение».

Основной состав боксёров веруется из безработных, отчаявшихся найти хоть какую-нибудь работу. Среди них много молодёжи. Дельцы не интересуют здоровье спортсменов, их не трогает то, что часто боксёры становятся слепаками или умирают от полученных повреждений. Даже такая газета, как «Нью-Йорк Джорнэл Америкен», была вынуждена признать, что «торговы мясом» (то есть спортивные дельцы), которые вершат судьбы бокса, не соблюдают даже элементарнейших правил».

Чем больше один котчкер истязает другого, тем больше удовольствия получает публика.

Западногерманский боксёр Петер Мюллер на одном из матчей «свбл счёты» с судьёй, после чего судью увезли в карете «скорой помощи».

Редкое спортивное состязание за рулем обходится без увечий и повреждений. Один из американских журналов в порядке «занимательной арифметики» подсчитал, что ежегодно более 60 процентов футбольистов США получают повреждения. Только в 1951 году, по свидетельству журнала, на каждую тысячу американских футбольистов приходилось 180 выбитых зубов, 120 сломанных скелетов, 100 разорванных связок, 60 случаев сотрясения мозга, 40 вывихов плечевого сустава. Комментарий к этой «статистике» покажется излишним!

Не менее «результивативны» и другие виды спорта. Об этом свидетельствует, например, объявление в одной американской газете: «Для открытия наших сенсационных мотогонок в Легайтоне ющем одиночном молодого человека не старше 25 лет, умеющего управлять автомобилем,— для столкновения с другим автомобилем. Столкновение должно произойти на скорости в 70 километров в час».

Чтобы получить более полное представление о буржуазном спорте, следует упомянуть ещё о некоторых «состязаниях», которые не так кровопролитны, но не менее отвратительны. Так, в конце прошлого года многие американские газеты сообщали, что студенты Гарвардского университета Окли Тори и Ричард Мортимер побили рекорд в... оплеухах. В течение 48 часов они дали друг другу... 17 281 оплеуху. За это они получили титул «мастеров оплеух».

Ещё один факт. Недавно некто Норман из штата Огайо (США) стал чемпионом мира... по сидению

Пресыщенные дельцы от спорта на потеху публике заставляют драться женщин.

на корточках. Он просидел в таком положении 122 дня на высокой мачте над линией электроподачи железнодорожной.

Таковы наиболее популярные зрелища, именуемые в буржуазных странах спортом.

В то время, как предпримчивые спортивные боссы загребают неслыханные бармы, большинство спортсменов живёт буквально в нищете.

Известный французский спортсмен плавлен Жильберт Босси, завоевавший серебряную медаль на олимпийских играх 1952 года в Хельсинки, пишет: «Моя мать больна. Отец вынужден изо дня в день работать, как вол, чтобы мы могли хоть как-нибудь продерж-

ваться в той дыре, где мы живём».

На одном из нью-йоркских вокзалов пассажиры читают вывеску над будкой чистильщика санузлов: «Здесь чистят ботинки Гаррисон Дэллард, победитель Лондонской олимпиады». Это печальная реклама является единственным напоминанием об одном из лучших спринтеров мира. Другой американский спортсмен, Д. Оуэнс, принесший своей стране четыре золотые медали, сейчас работает швейцаром в одном из ночных баров.

Таково лицо буржуазного спорта, превратившегося в источник прибыли для бизнесменов.

Ю. ДЕРЯБИН, В. СОВА

ЗУБРЫ В ВОЛЬЕРАХ

Фото А. Шагина.

Зубры находятся в вольерах — огромных, простирающихся на несколько километров зонах.

В трех часах юды от Москвы, около Сарыкуса, на берегу Оны, находится уголок, где растительный и животный мир таков, каким он был тысячи лет назад. Это Прионекско-Террасный государственный заповедник.

На территории в 5 тысяч гектаров проживают свыше 800 видов диких и полудиких животных, среди которых свиньи, лошади, антилопы, бородавки, лошадиные изюмы, и самые редкие животные в Европе — европейские бизоны-зубры.

Было время тысячи лет назад зубры обитали во всех европейских лесах. Юлий Цезарь писал в своих записках, что видел зубров в Германии между Рейном и Мозельем, близ города Рейна до Трансийского Альпа. Браз в книге «Жизнь животных» пишет охоту на зубров в Каприческую эпоху. Одни из них пытались настичь зверя удар копытом, другой прижал к земле и сжимал горло, отрывая венцы из зубра на себя...

С того далекого времени в результате хищнической деятельности человека зубры из Западной Европы исчезли. К началу XX века зубры сохранились только в лесах России, в заповедниках Сибири и на Кавказе, в бассейне реки Кубани. Но и в этих царствах и великолепии исчезли зубры. Их места обитания вымерли, мечтала зубрица да давала приплод лишь один раз в три года и рени, а поголовье рождалось в среднем на 100 голов в год. В первом веке жизни: животным не хватило корма.

В период пеший мировой и гражданской войн Беловежская пуща и Кавказский заповедник подверглись разорению. Интересно и белогорье в Кавказском ущельях уничтожили почти всех зубров.

После окончания гражданской войны в России оставалось всего

5 зубров (2 — в Петроградском зоологическом саду и 3 — в Асканий-Нова, на юге Украины).

Огромную работу по разведению этих животных проделали советские учёные. К началу Великой Отечественной войны в СССР было уже 126 зубров.

Зубр «Пусла».

Вероломное нападение гитлеровцев нарушило мирный труд советского народа. Правда были и разрывы в работе зоопарков, но временно оккупированной территории фашисты зверски истребили их. Их наименование заслуживает упоминания: «война ущеллою 20-го».

В годы послевоенного мирного строительства началась работа по восстановлению и развитию этих ценных животных. В Прионекско-Террасном заповеднике зубры находятся в вольерах — отдельных участках, расположенных на несколько километров зонах. Здесь, в густиной лесной чаще, зубры чувствуют себя великолепно.

Вот затрубил охотничий рог. Не и охоте, но и потому за животных погибнуть в трубе. Это созывают зубров и корумпируют. У животных выработалась условный рефлекс — привычка приходить к звуку охотничего рога. Здесь 3 раза в день (летом — один раз) проводится подкормка. Каждый зубр полу-

Затрубил охотничий рог...

чает пай, состоящий из 5 килограммов овса, 7 килограммов ячменя, отрубей сена и ветвей ивы. Это только дополнительный пай. А основной корм — пшеничный и кониной кормом — деревенским побегами, корой, листвами, травой.

В питании для зубров нет никаких проблем, они прекрасно адаптируются к новым условиям. Падает зубрят — теперь очень редко явление.

Все это способствует возрождению этого животного. Кличка его — «Пусла». Весна он оковал тонны.

Когда зубр вырастет, то превратится в настоящего гиганта. Но вот он направляется к барьеру. Шагает медленно, бесшумно, аккуратно, как в тени гравийной прямоколеной. Краем ноги не пускает его...

Всю зубру, находящуюся в заповедниках, зоологи внимательно наблюдают в государственную западную книгу, учитывающую их предыдущие годы. В год 1952 года в этом книге зарегистрировано 123 новых живущих зубра — количество, почти равное двадцати пяти. Поголовье зубров в 1953 году — 140.

Сохранение этих редчайших животных представляет огромную научную важность.

Л. РЯБНИН

СМЕНА
В номере:

И. Борисов — С мыслью о Родине.
Готов к труду и обороне. Фото очерк.

Я. Сухоруков — Гордость тульянов.

И. Коноплик — Отцы. Отрывок из повести.

Игорь Кобзев — Садовод. Стихи.

Юрий Маштаков — Пример героя.

Михаил Мусиенко — Начало пути.

В. Маск и Мих. Червячек — Люблю люблю. Фельетон-роман.

Путешествие в горах.

Пауль Тирст — Камера № 4. Рассказ. Перецов с немецким М. Фридер.

Л. Голиков — Верность долга.

Кинематография.

В. Черновитова — После звона.

Школьный ревью-спектакль.

Вик. Маркиновский — Чемпионат республики.

Димитр Методьев — Болгария строится. Переезд с болгарским Ником Георгиевым.

Ю. Дербенев — В Созвездии. Бизнес под вывеской спорта. Л. Рабин и — Зубры в вольерах.

На первой странице обложки: На акте. Фото Н. Волкова.
На второй странице обложки: Западный Кавказ. Туристы на пути к высокогорным Мурзудинским озёрам. Фото В. Рукоятича.

Оформление номера
В. Урина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРДЫ

в № 10

По вертикали:

1. Роберт. 2. Филология.
3. Пингвин. 4. Альбом.
5. Гриб. 6. Краска.
7. Краска. 8. Краска.
9. Дюшар. 10. Краска.
11. Краска. 12. Краска.
13. Сторона. 14. Волга.
15. Нильс. 16. Сатира.
17. Столик. 18. Столик.
19. Индикатор. 20. Коновалов.
21. Адамблер.
22. Индикатор.
23. Полосатка.
24. Гипок. 25. Барса.
26. Дамба.
27. Гипок.
28. Гипок.
29. Гипок.
30. Гипок.
31. Гипок.
32. Гипок.
33. Гипок.
34. Гипок.
35. Гипок.
36. Гипок.
37. Гипок.
38. Гипок.
39. Гипок.
40. Гипок.
41. Гипок.
42. Гипок.
43. Гипок.
44. Гипок.
45. Гипок.
46. Гипок.
47. Гипок.
48. Гипок.
49. Гипок.
50. Гипок.
51. Гипок.
52. Гипок.
53. Гипок.
54. Гипок.
55. Гипок.
56. Гипок.
57. Гипок.
58. Гипок.
59. Гипок.
60. Гипок.
61. Гипок.
62. Гипок.
63. Гипок.
64. Гипок.
65. Гипок.
66. Гипок.
67. Гипок.
68. Гипок.
69. Гипок.
70. Гипок.
71. Гипок.
72. Гипок.
73. Гипок.
74. Гипок.
75. Гипок.
76. Гипок.
77. Гипок.
78. Гипок.
79. Гипок.
80. Гипок.
81. Гипок.
82. Гипок.
83. Гипок.
84. Гипок.
85. Гипок.
86. Гипок.
87. Гипок.
88. Гипок.
89. Гипок.
90. Гипок.
91. Гипок.
92. Гипок.
93. Гипок.
94. Гипок.
95. Гипок.
96. Гипок.
97. Гипок.
98. Гипок.
99. Гипок.
100. Гипок.

По горизонтали:

6. «Подниматель». 8. Дюшар. 10. Гипок. 12. Столик. 13. Сторона. 15. Волга. 17. Нильс. 20. Сатира. 21. Поливанов. 26. Индикатор. 27. Коновалов. 28. Адамблер. 29. Индикатор. 30. Гипок. 31. Полосатка. 32. Гипок. 33. Гипок. 34. Гипок. 35. Гипок. 36. Гипок. 37. Гипок. 38. Гипок. 39. Гипок. 40. Адамблер. 41. Гипок. 42. Гипок. 43. Гипок. 44. Содка. 45. Гипок. 46. Гипок. 47. Гипок. 48. Гипок. 49. Гипок. 50. Гипок. 51. Гипок. 52. Гипок. 53. Гипок. 54. Гипок. 55. Гипок. 56. Гипок. 57. Гипок. 58. Гипок. 59. Гипок. 60. Гипок. 61. Гипок. 62. Гипок. 63. Гипок. 64. Гипок. 65. Гипок. 66. Гипок. 67. Гипок. 68. Гипок. 69. Гипок. 70. Гипок. 71. Гипок. 72. Гипок. 73. Гипок. 74. Гипок. 75. Гипок. 76. Гипок. 77. Гипок. 78. Гипок. 79. Гипок. 80. Гипок. 81. Гипок. 82. Гипок. 83. Гипок. 84. Гипок. 85. Гипок. 86. Гипок. 87. Гипок. 88. Гипок. 89. Гипок. 90. Гипок. 91. Гипок. 92. Гипок. 93. Гипок. 94. Гипок. 95. Гипок. 96. Гипок. 97. Гипок. 98. Гипок. 99. Гипок. 100. Гипок.

в № 11

По вертикали:

1. Затон. 2. Сапи. 3. «Динамо». 4. Термос. 5. Кипр. 6. «Гагарин». 9. Ракета. 10. Гипок. 11. Гипок. 12. Гипок. 13. Гипок. 14. Гипок. 15. Гипок. 16. Гипок. 17. Гипок. 18. Гипок. 19. Гипок. 20. Гипок. 21. Гипок. 22. Гипок. 23. Гипок. 24. Гипок. 25. Гипок. 26. Гипок. 27. Гипок. 28. Гипок. 29. Гипок. 30. Гипок. 31. Гипок. 32. Гипок. 33. Гипок. 34. Гипок. 35. Гипок. 36. Гипок. 37. Гипок. 38. Гипок. 39. Гипок. 40. Гипок. 41. Гипок. 42. Гипок. 43. Гипок. 44. Гипок. 45. Гипок. 46. Гипок. 47. Гипок. 48. Гипок. 49. Гипок. 50. Гипок. 51. Гипок. 52. Гипок. 53. Гипок. 54. Гипок. 55. Гипок. 56. Гипок. 57. Гипок. 58. Гипок. 59. Гипок. 60. Гипок. 61. Гипок. 62. Гипок. 63. Гипок. 64. Гипок. 65. Гипок. 66. Гипок. 67. Гипок. 68. Гипок. 69. Гипок. 70. Гипок. 71. Гипок. 72. Гипок. 73. Гипок. 74. Гипок. 75. Гипок. 76. Гипок. 77. Гипок. 78. Гипок. 79. Гипок. 80. Гипок. 81. Гипок. 82. Гипок. 83. Гипок. 84. Гипок. 85. Гипок. 86. Гипок. 87. Гипок. 88. Гипок. 89. Гипок. 90. Гипок. 91. Гипок. 92. Гипок. 93. Гипок. 94. Гипок. 95. Гипок. 96. Гипок. 97. Гипок. 98. Гипок. 99. Гипок. 100. Гипок.

По горизонтали:

7. Малахит. 8. Деканат. 11. Олива. 13. Марка. 14. Макаренко. 15. Леналко. 17. Сюзанна. 19. Тоника. 20. Соната. 22. Лайнер. 24. Апплика. 25. Магнит. 31. Корица. 32. Шарко. 35. Старт. 36. Директриса. 37. Аниза. 39. Танса. 41. Поткин. 42. Хроника.

Редакция: В. Ашаев, Г. Гулина, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, О. Конюхова, М. Луконин.

Подписан и печати 6/VI 1953 г. Заказ № 1388.

Формат бумаги 70×108½, 1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-34-24.

Тираж 120 000 экз.

Изд. № 481.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена
номера
2 руб.

